

Татьяна Гаврилина

**Последний акт
«симфонии»**

Татьяна Гаврилина

Последний акт «симфонии»

«Издательские решения»

Гаврилина Т.

Последний акт «симфонии» / Т. Гаврилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906715-9

Документальная повесть «Последний акт „симфонии“» обращена к истории Родины. Автор предлагает читателю обратить внимание на ту сложную череду событий, которые не только потрясли основы духовного единства народа, но и привели к расколу его общности. «Великий раскол» и «Исход патриаршества» — две части книги, две главы истории, которые в итоге и поделили нас на «белых» и «красных», на своих и чужих, на патриотов своей Родины и космополитов — людей вне отечества.

ISBN 978-5-44-906715-9

© Гаврилина Т.
© Издательские решения

Содержание

ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
В ПРЕДДВЕРИИ РЕФОРМЫ	16
НИКОН	22
ПАТРИРАХ ФИЛАРЕТ	30
ПЕРВЫЕ ШАГИ	36
ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ	41
НИКОНОВСКИЕ НОВИНЫ	52
старый текст новый текст	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Последний акт «симфонии»

Татьяна Гаврилина

© Татьяна Гаврилина, 2018

ISBN 978-5-4490-6715-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая книга прозы Татьяны Гаврилиной, написанная в жанре исторической хроники, вновь обращена к истории Родины. Автор предлагает читателю обратить внимание на ту сложную череду событий, которые не только потрясли основы духовного единства народа, но и привели к расколу его общности. «Великий раскол» и «Исход патриаршества» две части книги, две главы истории, которые в итоге и поделили нас на «белых» и «красных», на своих и чужих, на патриотов своей Родины и космополитов – людей вне отечества.

Симфония.

Сколько небесной высоты, лунного света и таинственного смысла в музыке! Каждым своим звуком она обращена к душе человека, к сокрытым в ней возможностям.

Какой мощный импульс духовной энергии посылает она в мир, жаждущий божественной справедливости, в мир, ожидающий торжества добра над злом, любви над ненавистью, света над тьмой.

Однако многие столетия назад, когда пастушок, имея весьма отдаленное представление о музыкальной грамоте, выдувал из своей дудочки незатейливые рулады, симфонией называлась не оркестровая композиция, а гармоничный союз двух равноправных партнеров в управлении государством – Церкви и Царства.

Первым, кто из великих московских князей стал в официальных документах именовать себя «царем» и «самодержцем», был Иван III – собиратель земли русской, присоединивший к Москве обширные территории: Тверское и Рязанское княжества, владения Великого Новгорода, город Ярославль и Вятскую землю.

Еще больше этот титул укоренился в политической практике Руси и получил широкое распространение несколько позже, в царствование Василия III Ивановича – сына Ивана III и византийской царевны Софьи Палеолог. Прославившись в веках, как большой любитель церковного строительства, Василий, продолжая дело отца, присоединил к Москве еще целый ряд городов, таких как Псков, Смоленск, Волоцкий уезд, Новгород-Северский и другие. Расширив границы Московского княжества до размеров Царства, Василий стал величать себя «царем» не от случая к случаю, а повсеместно.

Но это было только начало.

И если Иван и Василий использовали эти титулы презентативно только в официальной переписке или во время дипломатических приемов, то Иван Грозный закрепил право на ношение этих титулов юридически.

В свою очередь Церковь, развивая идею божественного происхождения царской власти, называла благочестивого Василия не иначе как «ключником и постельничим Божиим». Проводя мысль о том, что «воля государя есть воля Божия и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией», Церковь постепенно внедрила в сознание народа два важных понятия: первое – о предопределенности царского правления и второе – о справедливости царского суда. Внося столь весомый вклад в упрочение фундаментальных основ светской власти, духовенство преследовало вполне конкретную цель – превратить механически объединенные под началом

Москвы народы в единый социальный организм, исповедующий принципы послушания, долготерпения и «непротивления злу насилием».

Единство Церкви и Царства не просто декларировалось на словах, а демонстрировалось во всей полноте на деле. Все тот же Иван III, подражая цезарям Византии, завел на Руси новый почин – обряд церковного благословения наследных царевичей на Царство. Так рукоположение или поставление Церковью старшего в семье царя сына на Царство не только утверждало законность его прав на престол, но и превращалось для него – будущего самодержца в охранную грамоту от иных притязателей на государево место. Самым активным образом в процедуре венчания был задействован и весь честной люд, который, целуя крест внове нареченному избраннику Божию, признавал его власть над собой и одновременно приносил присягу Царству на верность.

Впрочем, ища содействия и покровительства в лице Церкви и признавая ее духовную власть над собой, светская власть, в свою очередь, ни на минуту не выпускала ее деятельность из-под контроля.

Так даже глава Русской Поместной Церкви хоть и избирался священством соборно, но только из числа тех архипастырей, которые были отобраны на этот высокий пост самим царем. Как правило, Собору предлагалось три кандидатуры, из которых одна, и это было ясно всем, более всего устраивала государя. Примерно, таким образом, каждый новый митрополит, а с 1598 года патриарх и выбирался.

Такое тесное и одновременно взаимозависимое сосуществование Церкви и Царства, когда интересы светской и духовной властей не конфликтовали между собой, а укладывались в рамки разумного компромисса, имело для общества большое значение, позволяя сохранять гражданский мир в стране. Любое государственное начинание, будь то военная компания или мирное строительство, благословенное Церковью, воспринималось народом, как Богоугодное дело, а, значит, совершить его считалось священным долгом каждого верующего гражданина.

Истории известно немало подобных примеров. Так Иван III Васильевич, собираясь завоевывать мятежный Новгород, испросил на то благословения митрополита, Александр Невский был призван Церковью – исполнить свой долг Великого князя и спасти отечество от тевтонских рыцарей. Патриарх Гермоген в тяжелейшее для страны время Великой смуты и междуцарствия первым призвал народ к национально-освободительной борьбе с польско-литовской шляхтой. И это далеко неполный перечень единомыслия и единодействия двух взаимодополняющих ветвей власти в царстве Московском. Ведь не случайно, именно иностранцы, имея возможность наблюдать устройство русской государственности со стороны и сталкиваясь с таким феноменальным явлением повсеместно, впервые образно окрестили гармоничное двоевластие Церкви и Царства – «симфонией».

Это тем более было для них удивительно, потому что на Западе глава государства был одновременно и главой церкви.

Однако с приходом к власти боярского рода Романовых – людей новых, «демократически» избранных земщиной, неподготовленных к государственному правлению, но по-хозяйски предприимчивых и хватистых, характер отношений между Царством и Церковью резко переменился. Характер этих перемен был связан с Алексеем Михайловичем – вторым царем из династии Романовых, который, прячась за спину патриарха Никона, навязал Церкви, против ее воли, церковную реформу.

В чем состоял замысел этой реформы?

В публичном, общенародном освещении сей замысел объяснялся необходимостью унификации, приведением к единообразию церковных обрядов и богослужебных книг с греческими.

Но в действительности мотивы, побудившие Царство предпринять наступление на Церковь были куда более глубоки. И крылись они в традиционной приверженности Церкви старой

«богоизбранной» династии Рюриковичей, с которой собственно и было связано становление самой Церкви.

Новая династия Романовых уже не имела того «божественного» мандата, который служил источником легитимации их власти. Выбранный Земским собранием первый Романов – Михаил Федорович имел императивный мандат, то есть его самодержавное право было ограничено выборщиками.

Устроить новую Церковь и подчинить ее Царству было главной целью затеянной Алексеем Михайловичем церковной реформы. Но провести ее бескровно Царству не удалось. Реформа привела Церковь к расколу и на Руси, как в жуткие времена мракобесия, запылали костры инквизиции.

Сын Алексея Михайловича – Петр Алексеевич продвинулся в реакции против Церкви еще дальше. В царствование Петра Первого Церковь лишилась патриаршего престола.

Но, разрушая «симфонию» двоевластия в стране, которая зиждилась на разумном взаимодействии духовной и светской власти, династия Романовых отвратила от себя народ. Антихристом и самозванцем называли великого императора Петра I в народе.

И чем сильнее закреплялась в обществе эта мысль, тем ожесточеннее становилось гражданское сопротивление. Все царствование Петра – от первого и до последнего дня – сопровождалось кровавыми бунтами, мощными народными восстаниями, тайными заговорами и иными формами социального протеста. Реки пролитой крови, сотни тысяч человеческих жизней устилали дорогу Петра к установлению в стране режима абсолютного монаршего деспотизма. По приблизительным данным за годы правления отца и сына Романовых население одной только Астраханской губернии сократилось примерно на 40%, в то время как в страшные годы опричнины, учиненной Иваном Грозным, в государстве погибло немногим более 4 тысяч человек.

Недовольство политикой Петра Первого, приобретая все более широкий размах, охватило и верхние эшелоны власти великого княжества Московского, в недрах которого сформировалась и набирала силу скрытая и устойчивая оппозиция. В нее вошли многие представители родовитой старомосковской знати, отдельные представители царской семьи и радикально настроенное духовенство. В надежде установить в стране былые, исконно русские порядки, а вместе с ними и уравновесить возникшее нестроение в отношениях между Царством и Церковью, оппозиция, ожидая скорой смерти царя, сделала ставку на его сына от первого брака с Евдокией Лопухиной – царевича Алексея Петровича. Именно Лопухины, подчинив Алексея своему влиянию и авторитету, и стали тем самым центром притяжения, к которому потянулись многие из тех, в ком душевная боль по утрате старозаветной Руси была особенно невыносима. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что присутствовал в намерениях каждого из заговорщиков и корыстный мотив! Боярство мечтало о возвращении отнятой у него Петром власти, знать – о сохранении накопленного богатства, духовенство – о бесконтрольной и полновластной самостоятельности, а Лопухины – об удержании и закреплении за собой главенствующих позиций при дворе.

Жестокая – не на жизнь, а на смерть схватка между отцом и сыном, между царем Петром и его наследником Алексеем стала последним трагическим актом в «симфонии» Царства и Церкви.

ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЛОПУХИНЫ. ПУТЬ ВО ВЛАСТЬ

Считается, что дворянский род Лопухиных ведет свое начало от легендарного касожского князя Редеди, убитого в XI веке в открытом и честном бою великим Киевским князем Мстиславом Владимировичем. Один из многочисленных потомков Редеди, некто Василий Варфоломеевич Глебов, прозванный в народе за свои известные качества Лопухой, и стал тем самым отпочковавшимся от основного ствола побегом, который с течением времени разросся и превратился в ветвистое родословное древо Лопухиных.

Существует полная ясность и в том, что внук Василия Глебова, сын Боровского воеводы Никиты Васильевича, Авраам Никитич, начинал свою службу в царствование Алексея Михайловича Романова в незначительной должности думного дьяка. Однако, не имея от природы никаких особенных дарований, он звезд с неба не хватал и покинул этот мир тихо и незаметно в звании думного дворянина. Приобретя благородство по чину, но оставаясь жалованным служащим, Авраам Никитич хоть и разжился дворовой земельной собственностью, но богатым человеком не стал.

А поскольку «двор» приносил доход небольшой, а «ртов» в семье было много, то жили Лопухины бедно, едва сводя концы с концами.

И когда пять сыновей Авраама Никитича – Петр Большой, Петр Меньшой, Илларион, Василий и Сергей вошли в возраст совершеннолетия, то подались в Москву наниматься на службу в цареву стрелецкое войско. Тем более что, на ту пору, царь Алексей Михайлович, нарушивший в 1654 году мирные отношения с Польшей, в стрельцах, ой, как нуждался.

Первым покинул родительский дом старший сын – Петр Большой. К войне с Речью Посполитой за освобождение Украины от панского гнета восемнадцатилетний красавец поспел как раз вовремя! Два с лишним года, находясь в составе государевой свиты, Петр лично участвовал в военных баталиях с противником, проявляя природную смекалку, отвагу и мужество. Отдавая должное служебному рвению Петра Авраамовича Лопухина, царь щедро вознаграждал героя, пожаловав ему персональным указом многие вотчины.

И когда в 1658 году Петр Меньшой прибыл в столицу и был представлен ко двору своим старшим братом, пользующимся особым расположением и доверием царя, то был почти сразу произведен в должность стольника – смотрителя за царским столом. Такое служебное положение было выгодно уже тем одним, что, позволяя искателю лучшей доли находиться значительную часть времени в поле зрения государя, предоставляло ему редкую возможность отличиться и получить продвижение по службе.

Карьера третьего по старшинству Лопухина – Иллариона Авраамовича складывалась при дворе еще менее героически, чем у Петра Меньшого. Он хоть и был принят на службу стрельцом, но чин получил гражданский. Трудно предположить, какими именно соображениями руководствовался царь Алексей Михайлович, но только оставил он Иллариона при себе, назначив его стряпчим или, попросту говоря, поверенным – ходатаем по делам разного свойства.

Появление в окружении царя сразу трех Лопухиных насторожило старую придворную гвардию, но братья держались друг за друга крепко, и успех одного прямо способствовал карьерному росту остальных. Так в самом начале семидесятых годов Петр Большой, как опыт-

ный военачальник, был отправлен стрелецким головой для подавления бунта Степана Разина в Астрахань, Петр Меньшой назначен стрелецким головой и получил под свою руку один из московских полков, а Илларион произведен из порученца в стольники.

Примерно в это же время начинают стрелецкую карьеру при дворе и двое младших Лопухиных – Василий и Сергей Авраамовичи.

В 1672 году царь Алексей Михайлович, отмечая выдержанный и миролюбивый нрав Иллариона Авраамовича, доверяет ему поручение особого деликатного свойства – навестить в Ферапонтовом монастыре опального патриарха Никона.

В иных для себя обстоятельствах он бы и сам давно это сделал, но только не теперь, не нынче, когда из близких друзей они так скоро превратились если и не в заклятых врагов, то в непримиримых противников. И хоть с некоторых пор им не должно и не пристало было видеться, но оттого, что многое между ними так и осталось не выговоренным и не умиротворенным, томило царя и наполняло его душу досадным чувством виноватости.

Пугали государя и страшные пророчества Никона.

Правда, поначалу не верил он в них, отмахивался, думал, блажит старец, зря на него напраслину возводит.

Ан, нет!

Ведь именно все так и случилось, как затворник о том в своих посланиях предрекал! Не успел Алексей Михайлович одно несчастье пережить – скончалась царица Марья Ильинична, как следом, менее чем через год, другая беда приключилась – не стало царевича Алексея. А потом и вовсе великое разорение царству от воровского народа Стеньки Разина наступило.

Но, если бы все испытания, выпавшие на его долю, этими событиями и закончились! Так, нет! В последнем своем письме сказывал Никон, что новая беда «еще хуже будет»! Вот и хотелось Алексею Михайловичу доподлинно установить, лукавит старик или было ему, и в самом деле, нечто вешнее «объявлено от Господа Бога».

Разобраться в том, что есть в никоновских пророчествах правда, а что ложь, и должен был посыльный царя – Илларион Лопухин. Но, помимо основного поручения, на Лопухина возлагалась и почти невыполнимая задача – убедить строптивного прорицателя в том, что государь не только «паче прежнего» желает разрушить учинившиеся между ними «враждотворения», но и ищет с ним – с Никоном «умирения», и просит прощения.

Но легко ли достучаться до сознания смертельно раненого предательством человека, если его раны слишком глубоки, свежи и болезненны для того, чтобы, похоронив в душе горькие разочарования, он мог с легким сердцем протянуть обидчику руку и принять его покаяние?

Впрочем, не смотря на всю сложность поставленной перед ним задачи, Илларион Авраамович с ней справился.

И справился вполне успешно!

Ему удалось не только донести до своенравного «заточника» основную мысль царского к нему обращения, но и, не навлекая на свою голову никоновского гнева, склонить его к мирной. Однако приписывать успех всей миссии одним только дипломатическим талантам Лопухина было бы не совсем справедливо!

Необычная податливость опального патриарха отчасти объяснялась еще и тем, что сил для «враждования» в нем с каждым днем оставалось все меньше. Надломленный морально и физически он и раньше жаловался в своих письмах царю, что «болен, наг, бос», что «со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не поднимается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая, и ноги пухнут».

Болела у Никона и душа, потому и не упускал он, уязвляя тем самым государя в самое сердце, при каждом удобном случае заявлять, что низложивший его Собор, проведенный под председательством низложенных восточных патриархов Паисия и Макария, ни во что не ставит. Не отпирался Никон и оттого, что намеренно и со злым умыслом много раз и говорил, и писал Алексею Михайловичу «досадительные слова», и что теперь готов просить у него за эти прегрешения милости и прощения.

Но, признавая за собой многие перед царем вины, Никон и в этот раз ни преминул обратиться к нему с особой просьбой. Смирив свой спесивый нрав и непомерную гордыню, он униженно молил Алексея о том, чтобы тот, принимая во внимание его немалые лета, позволил ему отбывать наказание в дорогом его сердцу Воскресенском монастыре, а паче того – в Иверском.

Но все чаяния и надежды Никона на то, что царь сжалится над ним и внемлет его мольбам о послаблении участи, оказались тщетными! Ни в тот и ни в другой монастырь низложенный патриарх перевода так и не дождался, зато здесь, по месту, в Ферапонтовой обители его содержание в скором времени, после восстановления ровных отношений с царем, заметно улучшилось.

Более того, проливая бальзам на уязвленное самолюбие старика и подавляя в своей собственной душе мерзкое чувство вины перед ним, Алексей Михайлович при каждом новом обращении к Никону величает его не иначе как «великим и святым старцем». Дорогие подарки, лакомые разносолы и гастрономические вкусности с царского стола, а порой и новые, приличествующие его святости платья доставляются многострадальному келейнику из Москвы специальной оказией.

Но и это еще не все!

Царским указом на монахов соседнего Кирилловского Белозерского монастыря возлагается обременительная обязанность, снабжать «великого старца» съестными и рыбными припасами.

Казалось бы, ну, куда еще больше? Наконец-то после стольких лишений он снова сыт, обут, одет, обласкан царской заботой! Казалось бы, Никону самое время вспомнить о смирении и молиться, молиться, молиться и за себя, и за всех страждущих, сирых и убогих, кто более всего нуждался в его радении за них перед Богом!

Ан, нет!

Натура Никона брала свое! И, едва успев завершить одну войну с царем, он, чуждый подлинному духовному подвигу, затевает другую. Поток мелочных никоновских придинок к обслуживающей его монастырской братии не иссякает. Он буквально забрасывает Кремлевский дворец жалобами и доносами самого ничтожного свойства. «Не вели, государь, – выводит он в очередном своем послании, – кирилловскому архимандриту с братией в мою келью чертей пускать!» И царь не оставляет старческую «чертовщину» Никона без ответа. Он реагирует, принимает меры, объясняется с жалобщиком по каждому его нытью.

Тоскуя по-настоящему и большому делу, Никон, бросаясь из одной крайности в другую, неожиданно обнаруживает в себе чудотворный дар врачевателя. И вскоре со всех окрестных деревень потянулись в келью к «святому старцу» за исцелением от тяжких недугов и немочей больные, убогие и увечные. Пытаясь в очередной раз обратить на себя внимание, Никон, обгоняя людскую молву, спешит первым известить царя о своих необычных способностях. Он с «божбою» уверяет Алексея в том, что будто бы был ему от Всевышнего послан глагол: «Отнято у тебя патриаршество, зато дана чаша лекарственная: лечить хворых». Для большей убедительности новоявленный чудотворец прилагает к извещению длинный список излеченных его молитвами и настоями просителей.

Но из всего этого бахвального послания Никона царь Алексей Михайлович извлекает только одну фразу – «отнято патриаршество». Отнято! Да, так и есть! Отнято по его царскому настоянию, вопреки действующему уставу Церкви и законам человеческой совести!

Царь понимает, что Никон прав! Раздавленный тяжким чувством вины перед ним он полон раскаяния, он готов многое в их отношениях пересмотреть и исправить, но что-либо действительно изменить более не в его власти!

Новый патриарх Иоаким – личность темная и малосимпатичная зорко следил за тем, чтобы склонный к необдуманным поступкам государь не рассиропился и не призвал неугомонного старца в столицу. А в том, что такие намерения у Алексея Михайловича были, он с некоторых пор не сомневался!

Много в конце своей жизни и тяжело болея, Алексей, пребывая в глубокой подавленности, не однажды с запоздалым прозрением провозглашал, что все его нынешние невыносимые физические и душевные страдания есть страшная расплата за ошибки, которые он так неосмотрительно и необдуманно в свое время совершал.

Переживая снова и снова события двадцатилетней давности, он не лукавил перед собой и имел мужество признать, что по младости лет был излишне самонадеян и не затруднял себя выбором средств для достижения честолюбивых намерений.

1649 ГОД и РАНЕЕ

В январе 1649 года в сопровождении шумной и пестрой по составу свиты проездом из Малороссии в Москву прибыл нежданно-негаданно Иерусалимский патриарх Паисий. Таких важных визитеров русская столица не видела уже давно, пожалуй, со времен царствования Бориса Годунова. Напуганные многими трагическими событиями, происходящими на Руси в последние десятилетия, а это и грозные годы Великой смуты, и тревожные годы междоусарствия, иностранцы объезжали московские земли стороной – подальше от греха и от разбойников.

Но стоило только боярскому клану Романовых утвердиться на царстве и навести в стране, разоренной польскими шляхтичами, державный порядок, как всякого рода коммивояжеры, путешественники и авантюристы нескончаемой вереницей потянулись в холодные Московские земли в поисках лучшей доли, приключений и коммерческих выгод.

Корысть была положена и в основу патриаршего визита.

Как известно, к середине XVII века православный Восток находился под игом Османской империи более двухсот лет. Влача жалкое и униженное существование, прозябая в условиях крайней нужды и дурного обхождения, Восточные иерархи вынуждены были, уподобляясь нищим и убогим, ездить по миру с сумой, христарадничать и собирать подаяние. Милостыня, выпрошенная Восточными патриархами у православных государей, и была тем самым единственным доходом, который позволял им прокормиться и сохранять свои приходы. Однако столь длительное пребывание в состоянии рабской покорности и зависимости, с одной стороны, от веротерпимости истинного хозяина страны – от султана, а, с другой, от благоденний и щедрот православных государей испортило Восточных первосвященников, превратив их из рыцарей духа в угодливых лицемеров. В погоне за большими деньгами они не только не гнушались преступать законы христианской морали, но и нередко отстаивали интересы того подателя, чье подношение превосходило дарения всех остальных. Утратив с течением времени такие важные святительские качества, как принципиальность и честность, они более походили на торгашей, предлагающих сильным мира сего услуги, непозволительные для лиц высокого духовного звания.

Не являлся, в этом смысле, исключением и Иерусалимский патриарх Паисий. Опытный политик, тонкий психолог и ловкий интриган, повидавший на своем веку правителей разных стран и народов, Паисий быстро разобрался и в том, что же на самом деле представлял собой

молодой, горячий и почти совсем необразованный московский самодержец Алексей Михайлович Романов.

Впрочем, ни царем, ни самодержцем Паисий молодого Романова не считал. И то верно! Ну, какой он был царь, если еще совсем недавно весь его род в чине бояр служил настоящему царю и самодержцу всея Руси Ивану IV Васильевичу. Разве может слуга царя быть царем? Боярин – он и есть боярин!

Но что бы там Паисий про себя об Алексее ни думал, а вида о том не подавал. В конце концов, ни за тем, чтобы русского царя учить уму разуму он в Москву приехал, а за тем, чтобы расположить его к себе и с успехом завершить свою миссию. Вот потому-то часами и выслушивал он с притворным вниманием изо дня в день наивные мечтания Алексея, вникал в «громадье» его планов и надежд.

А намеривался царь Алексей, ни много-ни мало, переустроить древнюю Русь по образу и подобию современного Запада, которого сам он хоть и в глаза никогда не видел, но зато хорошо знал из рассказов своих дворовых людей: великодушного добряка и либерала Федора Ртищева, да хитромудрого канцлера Афанасия Ордин-Нащокина.

Об отсталости и дикости нравов в государстве неустанно твердил царю и его духовник – протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев. В святительских откровениях протопопы и в самом деле присутствовало немало правды о том, что русский народ утратил истинное благочестие, что службу справляет формально, молится наскоро, скоморошничает и не только в людных местах, но и в церквях по святым праздникам.

Царь Алексей Михайлович духовнику своему не перечил, а, напротив, во всем с ним соглашаясь, живо откликался на многие его затеи, в том числе и на идею о создании в столице, так называемого, кружка «ревнителей благочестия». По задумке Вонифатьева, все члены кружка непременно должны были быть приходскими священниками – протопопами. Потому как именно протопопы по долгу и по характеру своей службы находились в самой гуще темного и погрязшего в языческих суевериях народа, а значит, и должны были донести до этого самого народа смысл и цели предстоящей церковной реформы.

Однако, следуя исторической правде, необходимо признать, что первым, кто обратил внимание на низкий уровень культуры богослужбных молений в церковных учреждениях Московского царства, был патриарх Филарет – основоположник династии Романовых, родной батюшка царя Михаила, дед царя Алексея Михайловича.

Два Указа, изданные им еще в 1627 году, прямо запрещали безнравственные, с его точки зрения, гульбища и колядования во время службы. Но строгие запреты, не возымев никакого устрашающего и воспитательного воздействия на скоморохов и святотатцев, были в равной степени проигнорированы как самими священнослужителями, так и главными нарушителями спокойствия. Занятый подготовкой к новой войне с Польшей, Филарет не имел ни сил, ни времени для того, чтобы всецело заняться наболевшей проблемой. Да и обстановка в стране была такова, что во главу угла ставились задачи безотлагательные. А это, в первую очередь, восстановление практически полностью уничтоженного за годы Смуты сельского хозяйства, развертывание на местах руин нового градо- и храмового строительства, развитие экономики, торговли и установление дипломатических отношений с соседними странами.

Но несмотря на то, что Указы Филарета оказались на тот момент нежизнеспособными, они, как это иногда случается, не затерялись в общем ворохе иных мертворожденных бумаг, а дождались своего времени и своих проводников из числа радикально настроенных служителей культа. Они-то в 1631 году в небольшом селе Кирикове Нижегородской области и образовали первый кружок «ревнителей благочестия».

Возглавили этот кружок два протопопа – Стефан Вонифатьев и Иван Неронов, которые вместе с собратьями по цеху на территории вверенных им приходов попытались навести стройный богослужебный порядок, не оскверняемый всякого рода языческими непристойностями и дурными обычаями.

Вдохновленные благородной идеей «ревнителю» принялись за дело ретиво, с большим старанием и охотой. Требуя от своих прихожан высокой гражданской сознательности, благочестивые протопопы стали отчитывать богослужебные песнопения в закрепленных за ними приходах не во много голосов, как практиковалось до сего времени, а в один голос, отчего службы затягивались на несколько часов к ряду, и далеко не каждый верующий мог их выстоять.

Не трудно себе представить, какую мощную волну праведного гнева вызвали церковные новины в неподготовленном к подобным переменам народе! Не разделяя благих намерений своих поводырей, наиболее несдержанные противники церковной культурной революции отважились пускать в ход не только отборную матерную брань, но и кулаки, колья и прочий подручный материал. Глубоко укоренившееся в сознании русского человека «многоголосье», когда церковная служба в храме для быстроты и удобства священнодействия исполнялась на 5—6 и даже более голосов, оказалось явлением живучим, и его не так-то просто было искоренить.

Впрочем, и «ревнителю благочестия» не собирались быстро сдаваться, тем более что новый патриарх Иоасаф, заступивший на патриаршую кафедру после смерти патриарха Филарета, оказался его достойным приемником и продолжил начатую своим предшественником программу обрядового реформирования.

Обобщив свои наблюдения в части богослужебных беспорядков и присовокупив к ним многие свидетельства «ревнителей», изложенные ими в челобитной, поданной на его имя, патриарх Иоасаф издал в 1636 году меморандум, названный «Память», который предназначался для внутреннего пользования служителями всех церквей и приходов. Инструкции, изложенные в этом сочинении, предусматривая конкретные и последовательные шаги в направлении культурного перерождения церковного богослужения, должны были, в конечном итоге, придать церковным действиям правильный и стройный порядок.

И тут выяснилось, что «многогласие» настолько укоренилось в повседневной богослужебной практике, что отменить его одним росчерком пера, пусть даже и пера самого патриарха, не представляется возможным. Осознав это, Иоасаф, дабы избежать большой церковной смуты, принял мудрое решение, предложив на первых порах сократить число «голосов» до двух или, на худой конец, до трех, а далее – на втором этапе реформы – установить в храмах одноголосое пение.

Но даже и такая плавная и умеренная программа перехода от многоголосой церковно-приходской службы на «одногласие» встретила со стороны консервативно настроенных священнослужителей резкое неприятие. Да и о какой культуре в религиозных народных массах можно было вести речь, если и сами служители духовного культа не могли похвастаться ни хорошими манерами, ни выдержкой, ни смиренномудрием. Нередкими были случаи, когда лица духовного звания вступали на глазах у изумленной публики в вульгарные перебранки, а то и того хуже – в массовые потасовки, устраиваемые ими на почве отстаивания первенства чести.

Вот почему второе сочинение патриарха Иоасафа «Лествица власти», представляя собой обычное справочное пособие по определению места каждого архиерея, архимандрита и игумена в иерархическом строю, имело своей целью устранить такой отвратительный и неприглядный в среде духовенства пережиток, как местничество.

К сожалению, многие задуманные и начатые Иоасафом преобразования церковного домостроя так и не были им завершены по причине внезапной кончины в ноябре 1640 года. Впрочем, шумная компания нововведений, поднятая патриархом Иоасафом в церковном богослужебном и иерархическом хозяйстве, так испугала робкого и болезненного царя Михаила Федоровича, что он более полутора лет воздерживался от избрания нового настоятеля Церкви.

И только, когда страсти вокруг «Памяти» и «Лестницы власти» мало-помалу улеглись, он остановил свой выбор на тихом и покладистом архимандрите московского Симонова монастыря Иосифе, ведущем свое происхождение из рода дворян Дьяковых.

В отличие от своего предшественника Иоасафа, престарелый Иосиф в высоких эмпириях не витал, неукоснительно следовал букве и духу завещанной дедами и прадедами старины, оказывая тем самым стойкое противодействие любым реформистским поползновениям. Его бездеятельное пребывание на посту патриарха, развеяв тревоги царя и закостенелого в невежестве и лености боярства, быстро свело на нет едва начавшуюся в церковном сообществе культурную революцию.

Но наступил 1645 год. Царь Михаил Федорович предстал перед Страшным судом, а на престол царства Московского венчался его сын, второй царь из дома Романовых – Алексей Михайлович, который по воле случая оказался воспитанником уже знакомого нам Стефана Вонифатьева. Того самого протопопа Стефана, который, начав свою служебную карьеру в Новгороде, прославился в северных краях как один из лидеров «ревнителей благочестия». На этой волне он поднялся, его дар проповедника был замечен, и Вонифатьева пригласили на службу в Москву. Как видно из отрывочных фактов его биографии, дела в столице у Стефана шли неплохо, и к исходу царствования Михаила Федоровича он уже служил протопопом Благовещенского собора Московского Кремля.

А с приходом к власти царевича Алексея, Вонифатьев – убежденный и последовательный «ревнитель благочестия» превратился в едва ли не самое влиятельное лицо в государстве, подменяя во многих вопросах самого патриарха Иосифа. Оценив все очевидные преимущества нового положения при Дворе, Стефан возвращается к мечтам своего новгородского периода и вновь обращается к теме о стройности и благочестии церковной службы. Он подолгу и доверительно беседует с неискушенным в вопросах государственного управления царем Алексеем Михайловичем, ярко живописует перед ним неприглядные, а порой и отвратительные картины церковного богослужения, знакомит с интересными и ревностно преданными Церкви людьми.

И наконец, добивается своего!

Молодой царь, восхищенный подвижническими настроениями своего духовного отца, глубоко проникается его заботой и болью о нестроении русской Церкви, он жадно ловит каждое его слово и готов оказывать личное и немедленное содействие в исправлении допущенных Церковью ошибок.

Создание кружка «ревнителей благочестия» становится первым совместным проектом царя Алексея Михайловича и протопопа Стефана Вонифатьева. Но, в отличие от своего старшего товарища, новый царь слишком молод годами, а потому наивен, податлив и нетерпелив. Желая быть полезным своему отечеству сию минуту, Алексей не слышит – не хочет слышать взволнованных предостережений патриарха Иосифа о том, что просветительский реформизм «ревнителей благочестия», страдающий определенной поспешностью и непродуманностью действий, слишком заражен западничеством для того, чтобы быть принятым Церковью и обществом без протеста или, что значительно опасней, без бунта.

Однако вполне обоснованные и взвешенные рассуждения патриарха Иосифа не останавливают честолюбивого юношу. Да и сам старец вместе со всеми своими премудростями и нравоучениями кажется Алексею пережитком прошлого, который отстал от жизни на целый век и не понимает требований нового времени. Царь отворачивается от патриарха Иосифа и более не посвящает его в свои планы! Так дело обрядового реформирования Церкви выводится из-под контроля самой Церкви и сосредотачивается в руках царя Алексея Михайловича и его духовника – протопопа Стефана Вонифатьева.

В этом смысле и создание кружка «ревнителей благочестия» осуществляется в интересах не церковной власти, как следовало бы, а светской. Ведь именно он – Алексей Михайлович, основываясь на рекомендациях Стефана Вонифатьева, ведет тщательный подбор основного состава будущих реформаторов. Требования, которые предъявляются к участникам кружка, просты и в основном сводятся к тому, чтобы все они не только были наделены высокими нравственными качествами и являлись представителями белого духовенства, но, чтобы еще и обладали исключительными проповедническими способностями.

Возлагая на членов кружка большую социальную ответственность, царь вместе с тем предусматривал для каждого из них и высокое должностное назначение, немислимое при обычном течении карьеры приходского священника. Так Иван Неронов был переведен из Нижнего Новгорода в Москву и поставлен протоиреем Казанского собора, Аввакум Петров назначен протоиреем в Юрьев-Польский, протоирей Даниил получил приход в Костроме, Логгин – в Муроме и Лазарь в Романове-Борисоглебске. Несколько позднее к «ревнителям благочестия» примкнул и Новоспасский архимандрит Никон Минин.

Помимо духовных лиц в рабочее ядро кружка вошли и широкоизвестные на Москве вольнодумцы: боярин Федор Ртищев, «дядька» царя – Борис Морозов, князь Одоевский и князь Львов.

Дело оставалось за малым – определиться с лидером, с центральной и авторитетной фигурой вновь созданного сообщества! Никто из «ревнителей» не сомневался в том, что более всех занять эту должность достоин его создатель и идейный вдохновитель – Стефан Вонифатьев! Но, принимая во внимание тот факт, что по долгу службы Вонифатьев вращался исключительно в придворных кругах и был оторван от основного рабочего материала – народных масс, то главой кружка был избран его давний приятель, земляк и единомышленник – Иван Неронов. Именно по этой причине Неронову и был отдан в управление Казанский собор – «церковь посреди торжища», в которой «народ во все дни бывает».

Главное, что должны были исполнить реформаторы – это внедрить в церковный обиход те основные предписания, которые патриарх Иоасаф изложил в своих богословских трудах «Память» и «Лествица власти».

И вот в это непростое для «ревнителей» время в Москву в 1649 году и прибыл Иерусалимский патриарх Паисий. Верно определив вектор, задуманных Московским царем преобразований в системе церковной богослужебной практики, и понимая, что успех его миссии во многом зависит от его умения угодить русскому самодержцу, Паисий как-то заметил, что у них на Востоке никто двумя перстами не крестится, да и имя Божье – Иисус произносятся и пишут иначе. Не преминул Паисий обратить внимание царя и на другие расхождения в обрядах двух церквей – Русской и Восточной. И хоть самого главного – основополагающих догматов православия все эти мелкие обрядовые несоответствия не затрагивали, но замечания гостя, упав на благодатную почву, немало раздосадовали Алексея Михайловича. Утвердившись во мнении, что проведение церковной реформы – проблема острая и давно назревшая, Алексей потребовал от патриарха Иосифа, чтобы тот, наконец, вспомнил о своем высоком церковном чине, о тех обязанностях, которые этот чин подразумевает, и предпринял конкретные шаги к устранению вышеизложенных замечаний. Немедленных мер царь потребовал от патриарха и в решении вопроса о «многогласии».

В ПРЕДДВЕРИИ РЕФОРМЫ

Однако немощный по своим преклонным годам Иосиф хоть умом и понимал, что церковная культура в державе действительно крайне низка, но ни сил, ни желания что-либо изменить уже не имел. Да и рушить с наскока все то, что за многие десятилетия вьелось, вгрызлось, втерлось в сознание, в душу и в кровь народа, патриарх считал не только занятием вредным, но и в высшей степени опасным. Немало повидавший на своем веку смут и потрясений Иосиф был известным сторонником умеренных нововведений.

Но совсем иных воззрений придерживался духовник царя – Стефан Вонифатьев. Будучи полной противоположностью патриарха, Вонифатьев не только не одобрял его чрезмерной осторожности, но и излишне торопился, настаивая на радикальных и безотлагательных мерах. Вращаясь в узком кругу придворной знати, отгороженный высокими кремлевскими стенами от внешнего мира, он по недомыслию и в силу известных свойств темперамента опрометчиво полагал, что все заблуждения, дурные привычки и изжившие себя традиции заповедной старины можно вырвать из религиозного мировоззрения народа с корнем, как сорную траву во время прополки.

Первое открытое столкновение между патриархом Иосифом и протопопом Вонифатьевым состоялось в феврале 1649 года прямо на церковном Соборе в присутствии церковного клира. Следует заметить, что, несмотря на некую приватность и семейственность рабочей обстановки – Собор проходил в царской палате под председательством патриарха Иосифа – дискуссии на затянувшуюся тему о «многогласии» очень скоро, утратив выдержанный и миролюбивый характер обсуждения, переросли в жесточайшую словесную перебранку между представителями официальной церкви и «ревнителями благочестия». Но как бы ни были красноречивы и убедительны доводы кружковцев в защиту и целесообразность «единогласного» церковного богослужения, а патриарх вместе «со всем освященным собором... уложили... внове ничего не вчинати», объясняя свое решение тем, что подобное нововведение, распалив бунтарское настроение толпы, в конце концов, приведет страну к народному взрыву.

Выслушав заключительную речь Иосифа до конца, всегда спокойный и выдержанный Стефан изменил себе и полный негодования обозвал присутствующих на Соборе священников «волками» и «губителями» истинной Церкви Христовой. Выходка Стефана, принятая патриархом Иосифом на свой счет, оскорбила его до такой степени, что он поспешил подать государю челобитную с требованием немедленно созвать новый Собор для суда над Вонифатьевым.

Однако царь, проигнорировав обращение патриарха, не только не дал челобитной дальнейшего хода, но и не утвердил те постановления Собора, которые провозглашали «многогласие» пригодным для ведения церковной службы. Впрочем, не признавая решения Собора в той или иной части, царь Алексей Михайлович и отменить их не мог – не было у него на то никакого законного права.

Одним словом, ситуация на дискуссионном поле между двумя противниками сложилась патовая! Всем стало ясно, что религиозная полемика о «голосах», приобретшая особую остроту и расколовшая духовную братию на два непримиримых лагеря, не может быть успешно завершена без привлечения третьих лиц, каковыми для русского священства являлись иерархи Вселенской Православной церкви! Вот и предложил царь Алексей Михайлович патриарху Иосифу обратиться за разъяснениями по наболевшему вопросу к Константинопольскому владыке.

На первый взгляд, обращение русского настоятеля церкви к вселенскому патриарху вполне отвечало духу времени, тем более, что Иосиф в своих публичных выступлениях нередко

замечал, что «до ныне и у греков, и у нас на Руси согласуется правое исповедание» и что «до днесь он с четырьмя вселенскими патриархами о православии ссылается», но, с другой стороны, Иосиф отлично понимал насколько умален и подорван турками авторитет Восточной церкви для того, чтобы на него можно было безоговорочно полагаться. С крайней неохотой, но Иосиф вынужден был подчиниться требованию царя, для чего и отправил в Константинополь грамоту с просьбой дать разъяснения по целому ряду вопросов, среди которых фигурировал и вопрос о «единогласии». Но, не желая предстать перед вселенскими патриархами необразованным дикарем, Иосиф изложил его не как основной, а как проходящий, упоминаемый наравне с такими вопросами, как: «могут ли священники жениться на вдовах или вступить во второй брак». Впрочем, никакой необходимости искать посредничества материнской церкви в русских делах, у Москвы не было!

Следует заметить, что Иосиф в среде духовенства являлся представителем старой гвардии и его явная нерадивость, и некая душевная косность, имеющая место в характере и тоне письма, не оставляют сомнений в том, что патриарх был более осведомлен о правовой природе «многогласия», чем хотел казаться на самом деле. Рожденный в царствование Ивана Грозного и начавший карьеру священнослужителя во времена царя Федора и его шурина – Бориса Годунова, патриарх просто не мог ни знать о том, что «единогласие» было исконной и единственной формой религиозных богослужений на Руси. А потому и ответ Константинопольского патриарха Паисия о том, что «Великая церковь Христова – есть начало иным церквям, и „единогласие“ не только подобает, но и непременно должно быть!», не застал его врасплох. Знал он и без Константинопольского патриарха – чему подобает быть в царстве Московском, а чему нет! Отказываясь от разного рода реформ в своем ведомстве, в том числе и от «единогласия», Иосиф, прежде всего, стремился к сохранению в государстве гражданского мира.

Ведомо ему было – последнему патриарху старозаветной эпохи и о том, что еще в 1551 году Иван Грозный при активном содействии патриарха Макария провозгласил на Стоглавом соборе «единогласие» одним из основных догматов Русской Церкви! Но, принимая во внимание то обстоятельство, что за тяжкие годы междуцарствия, смуты и польской оккупации религиозному сознанию народа был нанесен колоссальный вред и что только тяготы и опасности тех лет принудили архиереев, во имя сохранения самой веры, прибегнуть к лукавству и сократить часы службы за счет исполнения ее одновременно в несколько голосов, он не торопился в сложившейся практике менять что-либо коренным образом. Опасаясь того, что грубые, директивные методы отмены «многогласия» оттолкнут верующих от Церкви, патриарх Иосиф проявлял в этом вопросе такую умеренность и осторожность, что ни о каких переменах в обрядовом богослужении и слышать не хотел. Вот и получалось, что в преобладающем большинстве храмов, следуя порочной практике, службу исполняли сразу 5—6, а то и 7 священников к ряду, читая из молитвослова каждый свой отрывок. Понятно, что ни о какой культуре и стройности священнодействия в подобной обстановке и думать не приходилось, зато формально служба протекала быстро, ловко и ненавязчиво для прихожан.

Но сколько бы патриарх Иосиф не выдерживал оборону, ограждая Церковь от грядущих потрясений, а бесконечно долго столь бедственное состояние церковного церемониала сохраняться не могло! И в конце концов под давлением заинтересованных лиц, имеющих на руках четкие разъяснения Константинопольского патриарха, Иосиф вынужден был признать, что «многогласие» не только противно церковному Уставу, но и, как временная мера, подлежало немедленному упразднению.

Правда, сделал он это признание весьма своеобразно и не в 1649 году, как следовало бы, а двумя годами позже, когда дискуссия о необходимости культурного перерождения Церкви,

поднятая «ревнителями благочестия», перекочевала из нравственной сферы в политическую, выбрав в качестве основного вектора действия – переход на Иерусалимский Устав.

Понимая, насколько трагичными по своим последствиям могут оказаться для Русской Церкви поверхностно мотивированные доводы царя о необходимости соответствия русской обрядовой службы греческой, Иосиф поспешил исправить ситуацию на церковном Соборе в 1651 году, отменяя решение Собора 1649 года о правомерности «многогласия», провозгласил «единогласие» основным догматом Русской Церкви. При этом, придавая своему выступлению ярко выраженную национальную окраску, Иосиф аргументировал необходимость принятия подобного решения не указаниями из Константинополя, а соответствующими статьями Стоглавого собора 1551 года.

Однако, по большому счету, новое заявление патриарха уже ничего не значило и не могло воспрепятствовать тому стихийному процессу реформирования, который набирал силу. Заняв пассивную позицию стороннего наблюдателя, патриарх Иосиф добился того, что судьба Русской Православной Церкви вершилась не в недрах самой Церкви и не в рамках действующих церковно-нормативных актов, а вне ее и с оглядкой на Восточную Церковь.

Уязвленный до глубины души сначала поучительными замечаниями гостя Москвы – Иерусалимского патриарха Паисия, а потом и назидательным посланием Константинопольского патриарха Паисия, царь Алексей Михайлович вправе был заподозрить Иосифа не только в лености, но и в том, что он, мягко говоря, не должным образом в своей области образован. Правда, обуянный гордыней самодержца и полный самых смелых и честолюбивых замыслов, не мог похвастаться своими знаниями и сам царь Алексей Михайлович. Образованный подомашнему кое-чему и кое-как, Алексей имел представление о богословии только в объеме притч Священного писания. А это значит, что не знал русский царь такой нужной и полезной науки, как история становления и развития православия на Руси. А если бы знал, то уподобляясь Ивану Грозному, мог бы легко осадить самоуверенных греков и гордо повторить известную и уже ставшую хрестоматийной фразу:

– Греки нам не Евангелие! У нас не греческая вера, а русская!

И в этом смысле в словах Ивана Грозного и в самом деле присутствовало немало исторической правды!

Как известно православие пришло в языческую Киевскую Русь в X веке от греков из Царьграда или в более современном звучании из столицы Византии – Константинополя. Обряд крещения, исполненный добровольно Великим киевским князем Владимиром и принудительно всеми жителями великокняжеской столицы, был не формальным самодеятельным мероприятием, а отвечал строгим каноническим правилам церковного Устава.

Однако на ту пору в Византии действовало сразу два Устава. На Востоке страны в ходу был Иерусалимский Устав, составленный Святым Саввой Освященным, а на Западе – Константинопольский или Студийский, который у нас и прижился.

В последствие, когда в 1453 году Константинополь был завоеван турками и центр тяжести восточного православия сместился в Иерусалим, произошло естественное замещение Константинопольского устава Иерусалимским.

Возможно, что при ином раскладе внешнеполитических событий, вытеснение одних церковных установок другими произошло бы и для Русской Православной Церкви безболезненно и органично. Но все дело заключалось в том, что, начиная с 1448 года, Русь прервала всякое сношение с Восточной Церковью!

И на то у нее были достаточно веские причины!

Ведь, как известно, именно в этом достопамятном 1448 году Восточная Православная Церковь, рассчитывая на поддержку Рима в ее борьбе с турками, подписала во Флоренции унию с Римской Католической Церковью. Расценив подобную акцию, как предательство православия, Русская Православная Церковь, заявив о своей автокефалии, приняла целый ряд решительных мер, ограждающих Русь от пагубного влияния священства, призванного к служению в Константинополе. С не меньшей подозрительностью русские относились и к другим восточным иерархам. Но, отказывая Восточной Церкви в расположении и доверии, Русская Церковь никогда более не призывала восточных священников к себе на службу, избирая главу Киевской митрополии соборно и только из числа отечественных священнослужителей.

И вот что странно, подозреваемые в уклонении от истинного православия, восточные отцы Церкви не искали себе оправдания, а покаянно признавались, что вера православная на Востоке, подверженная сильному влиянию римского католицизма и германского лютеранства, и в самом деле иссякает.

Но прошло еще сто лет!

И в 1551 году царь Иван Грозный, отмечая, не без участия митрополита Макария, бедственное и униженное состояние Церкви, созвал церковный Собор. Все рабочие постановления этого высокого собрания по существу представляли собой развернутые и исчерпывающие ответы соборного духовенства на обращенные к ним вопросы царя. Причем вопросы разного плана, связанные как с устройством быта и самоуправления Церкви, так и с искоренением языческих «богомерзких прелестей», которые «мир прельщают и от Бога отвращают».

Более того, Собор, унифицировав церковные обряды в духе «старины», одновременно установил и правила поведения для монахов и священнослужителей. Нашлось в «Стоглаве» место и для разъяснения соотношения церковного права с нормами гражданского судопроизводства, из которых вытекало, что подсудность духовных лиц находится в ведении исключительно церковного суда. Устанавливая неприкосновенность церковного имущества, «Стоглав» указывал, что, в качестве образца для начинающих иконописцев, следует использовать работы, выполненные признанным мастером иконного письма – Андреем Рублевым. Не обошел Собор вниманием и такие канонические нормы обрядового богослужения, как «единогласие», которое запрещалось менять под страхом анафемы, двуперстное крестное знамение, поклоны и многие иные своеобразные черты «церковной старины», ставшие неотъемлемой частью русского православного христианства.

Принимая во внимание большой объем разработанных собором документов, митрополит Макарий благоразумно распорядился сброшюровать их по главам, которых оказалось ровно сто. Отсюда и повелось называть Собор 1551 года Стоглавым.

Но, следует заметить, что в отличие от Ивана Грозного, который не только имел глубочайшие познания в области богословия, но и являлся своего рода проводником национальной идеи прославления и великорусского духа, царь Алексей Михайлович, воспитанный боярином Борисом Ивановичем Морозовым, был и образован поверхностно, и никакой национальной идеи в себе не нес.

Да и откуда бы в нем взялось и то, и другое, если ничего, кроме чрезмерной привязанности к иностранцам и к иностранным обычаям, Борис Иванович своему подопечному и привить то не мог! Постигая с самого раннего детства одну непреложную истину, что за границей все устроено и лучше, и правильнее, чем в дикой и отсталой Московии, Алексей невольно впитал в себя стойкое пренебрежение ко всему русскому.

А потому и ненавязчивое замечание Иерусалимского патриарха Паисия о своеобразии русского православия, не только заставило царя почувствовать себя посрамленным, но и, подхлестнув, толкнуло на исправление того, чем русский народ более всего дорожил и чего менее всего стыдился.

Правда, имелся у Алексея Михайловича и другой, куда более веский мотив для того, чтобы привести обрядовую сторону церковных служб в соответствие с уставом Восточной церкви. Сумел-таки лукавый Паисий Иерусалимский разбудить в душе простодушного царя ретивое, сумел усладить его слух медовыми речами о вселенской миссии самодержца Московского, призванного самим Провидением объединить все православные народы и встать на защиту родительской Византийской церкви от мусульманского нашествия.

Встретив в русском царе правителя неопытного, неискушенного в искусстве коварства и интриг, податливого на лесть и похвалу, тонкий политик, дипломат и царедворец – Паисий не преминул пустить в ход все таланты сразу. Делая упор на то, что освобождение Цареградского престола от турок – дело святое, правое и богоугодное, он убедил русского царя в том, что только ему по силам совершить этот вселенский подвиг. Более того, увлекая по-ребячески восторженного Алексея все дальше и дальше в мир романтических грез, Паисий, теряя последнее чувство меры, уверил его в том, что, отвоевав у неверных обетованную землю, русский царь в праве будет унаследовать и престол византийских императоров Палеологов.

Куда уж больше? Одно дело править царством, которое за его пределами иначе как Московским княжеством никто и не называл, и совсем другое – сравняться в величии и знатности со знаменитыми домами Габсбургов, Бурбонов, Стюартов и прочими, им подобными. Пожалуй, Алексею Михайловичу и в самом деле было над чем подумать!

Но Паисий не унимался. Чутко улавливая перемену, произошедшую в настроении царя, ловкий грек, окончательно задурив Алексею Михайловичу голову, призвал его не дожидаться, когда «рак на горе свистнет», а начать действовать незамедлительно. А это значило, что Москва, бросая вызов неверным, должна была, в качестве первого шага, откликнуться на призыв православной Украины о помощи и принять ее под свою державную руку.

Почему вопрос ставился именно так?

Да потому что к началу 1649 года вся Украина была охвачена мощным повстанческим движением Запорожского войска против шляхетской Польши. В отряды смелого и удачливого гетмана Богдана Хмельницкого со всей территории Малороссии подались всякого рода добровольцы: казаки, крестьяне, горожане, лица духовного звания и все те, кто не смогли найти себе применения в мирной жизни.

Одержав над войсками польского короля Яна Казимира ряд блестящих побед, духовные деятели Киевско-Могиланской коллегии вместе с вождями крестьянско-казахьей войны, вдохновляемые все тем же Паисием Иерусалимским, который через украинские земли следовал в Москву, призадумались о том, а что же делать дальше? Понимая, что без сильного союзника все завоевания Запорожского войска могут быть, в не столь отдаленной перспективе, отвоеваны противником, украинские лидеры, с подачи Паисия, решили обратиться к Москве с предложением о включении Украины в состав России.

Вопрос о воссоединении Малороссии с Великой Русью хоть и возник в новых для себя обстоятельствах, но сам по себе был далеко не нов! Так еще в 1622 году киевский епископ Исая Колинский просил царя Михаила Федоровича порадеть об Украине и принять ее в состав России. Но тогда это обращение не нашло, да и не могло найти отклика в царском сердце. Москва, всего лишь пару лет назад подписавшая с Польшей Деулинское соглашение, просто не имела права позволить себе такую роскошь, как развязывание нового конфликта с Речью Посполитой.

Не готова была Москва к новой войне и на этот раз, а потому, ссылаясь на мирный договор с панской шляхтой, медлила и проявляла вполне оправданную нерешительность. Однако не лишним было бы заметить и то, что со всех точек зрения ситуация с присоединением Украины выглядела для России, как попытка усидеть на двух стульях одновременно. Так, принимая во внимание тот факт, что такого государства, как Украина, до недавнего времени вовсе не существовало и что с точки зрения территориальной собственности эти окраинные (украинские) земли исконно принадлежали России, то Москве, конечно, хотелось их вернуть! Но, с другой стороны, цена подобного воссоединения была настолько высокой, что оплатить ее не имелось никакой возможности!

И только Иерусалимский Паисий имел на этот счет особое мнение, а потому и не торопился домой, а задержался в гостеприимной российской столице на долгих полгода. Услащая и убаюкивая восприимчивую душу молодого царя льстивыми речами о его миссионерском долге перед христианским народом Украины, опытный политик и ловкий дипломат в патриаршей сутане добился невероятного!

Дважды поднимал царь на Земском соборе вопрос о присоединении Украины к России и дважды, встретив в лице патриарха Иосифа непримиримого противника, получал отказ! И, как видно, не случайно, ведь еще дед царя Алексея – патриарх Филарет наложил в свое время немало запретов на сношения Русской Церкви с погрязшей в ереси Малороссией, видя в ней большую угрозу для чистоты русского православия.

Плохую службу в вопросе объединения двух народов сыграл и сам патриарх Паисий, вздумавший на обратном пути из Москвы в «греки» поделиться с киевским митрополитом Сильвестром Коссовым своими размышлениями об особенностях русского православия. Плохо понимая, о чем идет речь и не вдаваясь в существо проблемы, Коссов, поставив под удар всю подготовительную работу по воссоединению двух стран, поспешил во всеуслышание заявить, что Русская Православная Церковь изменила православию.

Заявление Сильвестра Коссова, который еще вчера позиционировал себя сторонником присоединения Украины к России, а сегодня публично обличал Москву в отступлении от православия, едва не лишило Алексея Михайловича последних остатков здравомыслия.

Но вместо того, чтобы повести себя мудро и поставить Коссова на место, царь Алексей Михайлович запаниковал и в попытке оправдаться перед Украиной, а заодно и перед всем светом объявил о немедленном начале церковной реформы!

Только теперь в его представлении о будущем Русской Православной Церкви господствовала мысль не о культурном ее перерождении, а об уподоблении греческой Церкви, и в этой связи «ревнители благочестия» вместе с их местническим взглядом на существо проблемы отходили на второй план.

Царю требовались новые люди, готовые и могущие осуществить его космополитические устремления. И такие люди нашлись! Одним их этих людей оказался Новоспасский архимандрит Никон Минин.

НИКОН

История знакомства царя Алексея Михайловича с пришлым на Москву странником Никоном Мининым освещена ореолом романтики. Во-первых, пребывая длительное время вне пределов столицы – на далеком Балтийском севере, Никон несколько одичал, что представлял собой, среди уже приевшейся царю публики, некое диковинное и крайне любопытное существо. А, во-вторых, Никон был представлен ко двору духовником царя – Стефаном Вонифатьевым, который отрекомендовал его как своего давнего знакомого и земляка. И в этом, столь неожиданном, признании протопопа присутствовала известная доля правды: Никон Минин, как и сам Вонифатьев, как и многие священнослужители из кружка «ревнителей», был родом из тех же Нижегородских окраин, что и все они вместе взятые.

Родился Никон, мирское имя которого было Никита, 6 июня 1605 года в селе Вельдеманове, расположенном недалеко от Нижнего Новгорода. Фамилию Минин он получил в наследство от своего отца – крестьянина, мордвина по национальности, со странным именем – Мина.

Рано потеряв мать, маленький Никита вынужден был жить с отцом и мачехой. Но, к несчастью для мальчика, вторая жена отца, оказавшись женщиной злобной и корыстолюбивой, не сумела полюбить приемного ребенка и, всячески унижая и оскорбляя его человеческое достоинство, нередко прибегала не только к грубому бранному слову, но и к жестоким побоям. Отсутствие в отчем доме родительской любви, семейного тепла и материнской заботы, навсегда исковеркав характер Никиты, ожесточили его сердце и превратили в маленького и затравленного зверька, который в последствие, повзрослев и войдя в силу, мстил за свои детские обиды всему миру.

В двенадцать лет, не видя для себя иного пути к избавлению от мачехиногo насилия, Никита сбежал из дома в Макарьев Желтоводский монастырь, где, найдя приют, пропитание и крышу над головой, получил первые «азы» образования. По тем временам их оказалось вполне достаточно для того, чтобы, посвятив себя проповеди Слова Божия, можно было начать самостоятельное служение.

Однако прошло совсем немного времени, и все планы Никиты, связанные с монашеской деятельностью, рухнули в тот самый момент, когда в Желтоводскую обитель явился его престарелый родитель. Сетуя на свою немощь и нездоровье, а также, признаваясь сыну в том, что остро нуждается в помощнике для ведения хозяйства, Мина потребовал от Никиты, чтобы тот вернулся в семью и, вступив в брак, привел в дом молодую хозяйку.

Так в возрасте восемнадцати лет, Никита Минин, не смея пойти против воли отца, вернулся в свое родное село и женился на сосватанной за него землячке. Но, как человек самостоятельный, образованный и семейный, он пришелся по нраву своим сельчанам и вскоре был избран ими на должность приходского священника в церковь села Лысково.

Село Лысково, расположенное на берегу реки Волги, близ Макарьевского монастыря, славилось тогда на всю округу знаменитыми и многолюдными Макарьевскими ярмарками. На одной из таких ярмарок, наслушавшись в очередной раз от заезжих московских купцов немало красивых баек о сладкой столичной жизни, Никита с легким сердцем покинул свой сельский приход в Лысково и отправился в Москву на поиски счастья.

Впрочем, на этот счет, существует и другая история, согласно которой Никита подался в столицу не собственным промыслом, а по приглашению «великой старицы» Марфы – родной матушки государя Михаила Федоровича Романова. Если придерживаться данной хронологии событий, что вполне вероятно, то Марфа, заметив в одну из своих поездок на ярмарку могучего статью, громогласного и ревностного лысковского богарадника, не только вызвала Никиту

в Москву, но взяла его под свою опеку. Покровительство Марфы и заметный для всех окружающих большой интерес к нему патриарха и государя Филарета не остались незамеченными, и вскоре никому ранее неведомый крестьянский сын Никита Минин превратился из сельского протопопа в столичного священнослужителя.

Но вот беда! Пока Никита обживался на новом месте и обзаводился в Москве полезными знакомствами, из отчего дома – от жены пришло страшное известие о том, что все его сыновья во время очередной повальной эпидемии, которых в те времена на Руси свирепствовало немало, тяжело занедужили и один за другим покинули бранный мир.

Расценив свалившееся на него несчастье как знамение свыше, как призыв к духовному служению, он уговорил свою убитую горем жену принять постриг, что и свершилось в московском Алексеевском монастыре (ныне на его месте воздвигнут Храм Христа Спасителя), а сам ушел в Анзерский скит Соловецкого монастыря.

Однако и на этот раз историкам есть что добавить!

Спору нет, потеря детей, а прежде того кончина единственного родителя, причинив Никите немало душевных переживаний, заставили его многое в своей судьбе переосмыслить. Отныне, свободный ото всех ранее принятых на себя обязательств, он вправе был вернуться к монашескому образу жизни и всецело посвятить себя служению Богу. Но для этого ему было вовсе необязательно добровольно отправлять себя в далекую северную ссылку и покидать благосклонно настроенную к нему столицу. Впрочем, как явствует из немногих отрывочных сведений, отбытие Никиты Минина на Соловки состоялось, скорее, вопреки, а несогласно его желанию.

Как замечают некоторые источники, он был с треском выдворен из Москвы по приказу самого патриарха Филарета! А причина столь разительных перемен, произошедших в отношениях между царским домом и Никитой Мининым, крылась в том, что, будучи большим ценителем женских прелестей и имея здоровую мужскую натуру, он зачастую не мог удержаться от искушения и охотно портил хорошеньких и не очень целомудренных девиц. В число таких обманутых дурочек попала и нареченная невеста царя Михаила – княжна Мария Долгорукая, в дом которой Никита был вхож запросто.

О том, что молодая царица испорчена, весь Двор узнал на следующий день после первой брачной ночи. Не обнаружив вещественных доказательств ее непорочности и девственной чистоты, оскорбленный глава семьи – патриарх Филарет допросил новобрачную с особым пристрастием. Насмерть запуганная Мария выложила грозному свекру все, как на духу. И каково же было удивление Филарета, когда выяснилось, что своим позором он обязан пригретому им простолюдину Никите Минину. Не желая выглядеть перед охочей до всякого рода сплетен столичной знатью обманутым глупцом, патриарх сделал все для того, чтобы семейный скандал не стал достоянием гласности. Не дал он спуску и главным героям разыгравшейся трагикомедии. Так Никитка Минин был выслан из Москвы и оказался на перевоспитании в Анзерском скиту Соловецкого монастыря, известного своей суровой школой аскетического монашества, а несчастная новобрачная, промаявшись во внезапной горячке три дня, предстала за свое прегрешение перед Страшным судом.

Соловецкая обитель, где Никите Минину предстояло отбывать ссылку без малейшей надежды когда-либо искупить свою вину перед Романовыми, была выбрана патриархом Филаретом далеко не случайно. Слава о Соловецкой киновии (общежитии для иноков), построенной в отрыве от мирских жилищ на одном из морских островов, именуемом Соловки, и служащей спасительным прибежищем для метущихся и оступившихся черноризцев, распространилась далеко за его пределами.

Так известно, что начало жизни на острове положил в 1420 году преподобный отец Саватий, а построил киновию и первую братию собрал отец Зосима. С тех пор Соловецкий монастырь и просиял посреди российских монастырей своими благонравными законами, ревностным благочестием и преемством церковных уставов. Многие великие постники и безмолвные пустынноики этого монастыря прославились, как дивные и сподобившиеся особой Господней благодати чудотворцы. Одним из них был известный в ту пору преподобный старец Елеазар – провидец Анзерский. К нему в скит для духовного просветления и иноческого послушания и был направлен Никита Минин.

Здесь на Соловках двадцатилетний Никита вместе с обетом безбрачия и духовного служения Богу принял новое имя – Никон, и его наставником стал всеми почитаемый богоносный и добродетельный скитник Елеазар Анзерский.

Но ни глухая изоляция от внешнего мира, ни жесточайший аскетизм в устройстве внутреннего монашеского быта и образа жизни в киновии не могли усмирить здоровую мужскую природу Никона. Будучи в самом расцвете лет, обладая исключительными физическими данными – высоким ростом, крепким телосложением и неумной энергией, Никон прилагал немало усилий для того, чтобы подавить в себе естественные природные инстинкты.

Но природу обмануть невозможно!

И когда бунт никоновского естества, презрев здравый смысл, суровые запреты и строгий монашеский устав, вырывался на волю, Никон проявлял недюжинный характер, изнуря себя сверх всякой меры длительными постами и молитвами, кладя порой по тысяче, а то и более земных поклонов. Впрочем, как вспоминают его современники, ничто – ни тяжкие телесные истязания, ни испытания духа и плоти голодом, холодом и тяжелым физическим трудом не помогли Никону избавиться от охоты – «блудить баб». А потому, вынужденный до конца своих дней носить под священническими одеждами пудовые вериги и жесткую власяницу он все равно не раз оступался и, впадая в тяжкий грех прелюбодеяния, мучился запоздалым раскаянием и жаждал искупления.

Полный жизненных сил, деятельный и горячий по натуре Никон, мало отвечая облику смиренного и благочестивого пустынноика, не сумел должным образом нести и подвиг монашеского уединения. Часто нарушая общее единомыслие обители, он пустыми фантазиями и непродуманными прожектерскими идеями раздражал не только своего наставника, но и всю братию. В конце концов, как это и должно было случиться, Никон довел накопившееся против него всеобщее недовольство до открытого конфликта.

Это случилось в то самое время, когда царь Михаил Федорович на радостях, что молитвами соловецкого чудотворца Елеазара у него родился долгожданный наследник – сын, названный Алексеем, пожаловал Анзерскому скиту значительную сумму денег.

Почувствовав, что отныне ему есть чем заняться, неисправимый прагматик и материалист Никон тут же предложил своему наставнику пустить царский вклад на строительство каменного собора. Но стойкий последователь «нестяжателей» – старец Елеазар, считая каменный храм непозволительной роскошью для уединенного пустынного скита, пустил все деньги на обустройство духовной жизни в обители, воспитывающей в братьях дух подлинного подвижничества.

Между святым старцем и далеким от подлинного монашеского смирения Никоном произошла серьезная ссора, завершившаяся полным разрывом их отношений. Досадуя на своего неподатливого и неумного ученика, Елеазар Анзерский, прозревая будущее, произнес: «На великое зло Россия себе его взрастила».

Но Никон не услышал обращенных в его сторону пророческих слов. Сев в лодку, он в ту же ночь сбежал из Анзерского скита, рассчитывая обрести большее понимание и лучшую долю в ином пристанище. Но уплыть далеко Никону была не судьба! Разыгравшаяся на озере буря, швыряя маленькую лодчонку соловецкого беглеца из стороны в сторону и угрожая вся-

кий раз ее опрокинуть и похоронить в холодных водах, к утру утихла, и Никон обнаружил, что находится в непосредственной близости от Соловков – у кромки маленького и скалистого острова в устье Онеги. Позже, будучи патриархом, Никон, придавая своему чудесному спасению некий мистический смысл, построил на этом острове Крестовоздвиженский монастырь.

А на ту пору, продолжая бегство, Никон перебрался с острова в Каргопольский край в Кожеозерскую обитель, где, спустя три года, братия, отдавая должное его талантам хозяйственника и организатора, избрала его игуменом монастыря. Отсюда в 1646 году, вскоре после смерти Михаила Федоровича, Никон впервые решил навеститься в Москву, где стараниями своего давнего знакомого Стефана Вонифатьева был представлен царю – Алексею Михайловичу. Попытка Никона оказалась удачной! Во-первых, со дня достопамятных событий 1625 года прошло два десятка лет, а во-вторых, никого из участников этих событий уже не было в живых.

Оправдалась надежда Никона и на то, что молодой государь ничего об отдельных интимных подробностях личной жизни своих родителей не ведает. Не был посвящен Алексей Михайлович и в печальную историю женитьбы царя Михаила на княжне Марии Долгорукой. Историю, в которой Никон – прелюбодей и искуситель сыграл не последнюю роль.

Большую пользу сослужил Никону и тот факт, что в свою бытность на Соловках, он являлся учеником преподобного Елеазара Анзерского. Имя старца Елеазара почиталось в семействе Романовых наравне с именем Николая Чудотворца. Ведь это к нему – к Елеазару обратился царь Михаил с последней надеждой обрести сына. По этой причине он и вызвал его из Соловков в Москву. И соловецкий провидец не обманул ожиданий царя – вымолил-таки у Бога для Михаила Федоровича сына и наследника. Знал о своем чудесном появлении на свет и сам царь Алексей, потому и относился к ученикам Елеазара Анзерского с особым душевным трепетом. Не стал в этом смысле исключением и Никон, который с первой встречи произвел на царя неизгладимое впечатление.

Да и как мог слабый здоровьем, мучимый подагрическими болями Алексей не восхититься богатырской статью бородатого поморца, от которого за версту веяло морем, соленым ветром и жизненной силой. Нравилось царю и то, что умел Никон просто и без затей изъясняться по любым, даже самым сложным вопросам. Одним словом, обнаружив в северном пришельце немало приятных достоинств, Алексей, как некогда его дед – патриарх Филарет оставил Никона в Москве, выхлопотав для него у патриарха Иосифа место архимандрита в придворном Новоспасском монастыре – родовой усыпальнице дома Романовых.

Дружеские отношения между царем и Никоном крепили день ото дня. Чувствуя поддержку со стороны царя и его духовника – Стефана Вонифатьева – Никон не только без особых усилий освоился в новой для себя обстановке, но и, легко сменив монашеские отрепья онежского дикаря на цивильную ризу новоявленного настоятеля обители, быстро вошел во вкус исполняемой им роли.

Внешне, и Алексей Михайлович это не однажды замечал, Никон очень походил на его прославленного деда – патриарха Филарета. Все и крепкая стать, и неотразимое мужское обаяние, и нестигаемая воля, и кипучая жажда деятельности, подстегиваемая чрезмерным честолюбием, обращали на себя внимание. А в совокупности и то, и другое и третье представляли собой те качества, которых так не доставало самому Алексею Михайловичу. И хоть в жизни царю Алексею знать своего знаменитого деда не довелось, он умер, когда царевичу едва исполнилось два года, но по рассказам близких к нему людей, он составил в своем воображении образ Филарета именно таким, каким перед ним предстал Никон. Быть может, этим по боль-

шей части надуманным сходством и можно было объяснить ту искреннюю душевную привязанность, которую молодой царь питал к своему вдвое старшему другу.

Следует заметить, что появление Никона в Москве совпало по времени с началом проповеднической деятельности кружка «ревнителей благочестия». И хоть как человек далекий от истинного монашеского смирения, проживший многие годы в безлюдной северной глуши, Никон, скорее всего, не разделял реформистского энтузиазма «ревнителей», но, руководствуясь здравым смыслом и тонко улавливая настроение царя, он не только примкнул к кружковцам, но и стал среди них неформальным лидером.

Близкое знакомство с членами кружка «ревнителей благочестия» и частое общение с духовником царя – Стефаном сослужили для Никона хорошую службу, существенно обогатив его представление о культуре церковного богослужения. Однако хоть Никон и выдвинулся на передний план предстоящих реформ, но в отличие от своих идеалистически настроенных товарищей, которые верили в силу *Божия слова*, он, как человек практического склада ума, считал, что успех всякого почина есть, прежде всего, результат *Божия дела*. Прожив долгое время в условиях дикой природы, обладая острым чутьем и тонкой интуицией, Никон безошибочно угадал потаенные намерения царя. Он ловко подыгрывал ему, возбуждая тем самым стойкое к себе недоверие со стороны кружковцев

Расположение Алексея Михайловича к Никону усилилось еще больше вскоре после того, как Иерусалимский Паисий – заморский гость с Востока поделился с Алексеем Михайловичем своими впечатлениями от общения с Новоспасским архимандритом. «В прошлые дни, – взвешивая каждое слово, медленно выговаривал Паисий, – я имел встречи с архимандритом Никоном и полюбились мне беседы его». Беседы с Никоном были любы и самому Алексею, но из боязни оттолкнуть от себя и Вонифатьева, и всю его братию царь до поры до времени воздерживался от лестных оценок в адрес своего нового приятеля.

Но того, что влияние Новоспасского архимандрита Никона при дворе возрастало день ото дня, уже невозможно было не заметить. За протекцией к «собинному другу» царя стали обращаться даже бояре, от которых он охотно принимал челобитные и любезно передавал их Алексею Михайловичу. Но чем крепче становилась дружба между царем и Никоном, тем ревностнее относились к нему его недавние товарищи по кружку. Оттесненные ловким и смекалистым чужаком на второй план, они очень скоро раскусили его коварную натуру, и уже никогда более не сходились с ним близко, и не были к нему всею душой расположены.

Однако царь, не обращая ни малейшего внимания на возникшую между «ревнителями» и Никоном отчужденность, оказывал своему любимцу еще большие милости. Так в 1649 году Церковный собор, уступая настойчивому требованию Алексея Михайловича, избирает архимандрита Никона митрополитом на опустевшую, по случаю смерти ее настоятеля, Новгородскую митрополицию кафедру.

Но и в среде духовенства любезный царскому сердцу митрополит ни должным авторитетом, ни уважением не пользовался. Получив высокий церковный чин не по заслугам, а по протекции царя, Никон, оставаясь чужим среди своих, воспринимался церковниками не иначе как «волком в овечьей шкуре». Он был слишком груб, слишком хитер, слишком корыстолюбив для того, чтобы служить для окружающих примером благонравия, и слишком честолюбив и высокомерен для того, чтобы соответствовать образу благочестивого и смиренномудрого архипастыря.

Впрочем, Никон никогда и не стремился казаться тем, кем он не был на самом деле. Усвоив на горьком опыте раннего сиротства одну, но весьма полезную премудрость, что «тот, кто сильнее, тот и прав», он руководствовался ею всю свою долгую жизнь. Лишенный роди-

тельской любви и заботы, унижаемый и теснимый, воспитанный не материнской добротой, а мачехиными оплеухами, не обогретый и не обласканный он не умел быть добрым, чутким и великодушным. Все, что ему пригодились в жизни и выручало не раз, это умением прокладывать себе дорогу силой, хитростью и упорством.

Вот и на этот раз Никону потребовалось совсем немного времени, чтобы разобраться во всех тонкостях противоречивой царской природы и выхватить из его переживаний то главное, что занимало царя более всего остального. Обладая то ли от природы, то ли от приобретенного в юности навыка распознавать настроение мачехи, он и в зрелом возрасте тонко улавливал скрытые мотивы сторонних людей. Горький жизненный опыт, умение выживать в суровых условиях изоляции и мужского общежития научили Никона и еще одному непростому занятию – умению влиять на окружающих. Ничего необычного не было и в том, что ему удалось так скоро заручиться дружбой царя и обаять Паисия Иерусалимского.

В отличие от многих своих завистников Никон обладал редким даром – он умел не только складно говорить, но и внимательно слушать. Так предоставив Паисию в первые минуты их встречи возможность выговориться до конца, к завершению беседы, Никон уже смог на равных обсуждать с ним такую сложную проблему, как несоответствие Русской обрядовой службы Восточной. Но если Паисий, искренне заблуждаясь, усмотрел в этом несоответствии отход Русской Церкви от истинного православия, то Никон – человек, по большому счету, невежественный, необразованный и не имеющий о существовании вопроса личного мнения, поддакивал греку из одного только желания произвести на него хорошее впечатление.

И произвел! Будучи в восторге от своего собеседника Паисий не преминул заметить об этом царю. Но для Никона важно было другое. Ведь после беседы с греком он окончательно утвердился во мнении, что вовсе не благочестие церковных обрядов волнует царя, а гложут его душу льстивые пророчества Паисия о том, что якобы суждено Москве стать третьим Римом, а московскому великому князю – цезарем. А как только он это понял, так тут же о себе самом и подумал. Ведь достаточно было одного взгляда на больного и немощного патриарха Иосифа, чтобы более не сомневаться в том, что ни одно из дел, будь оно затеяно «ревнителями благочестия» или самим царем, ему не по силам. Очевидным было и то, что царь, доверяясь естественному ходу вещей, уже присмотрел на его место достойного приемника. И то, что им будет Стефан Вонифатьев, не сомневался никто. Во-первых, потому что Стефан пользовался непрекаемым авторитетом у «ревнителей благочестия», во-вторых, он был идеологом развернутой в стране богослужебной компании и, в-третьих, он был доверенным лицом царя – самым близким ему человеком.

Но в отличие от своих собратьев по кружку, Никон, обладая особым чутьем, первым почувствовал, что царь только делает вид, что разделяет чаяния своего духовника, а скрытыми намерениями он устремлен много дальше него. Полагаясь на свою интуицию, Никон всем своим видом дал понять царю, что не только знает его секрет, но и готов всеми силами способствовать воплощению в жизнь самых тайных царских задумок.

Алексею нравилось, что его новый друг оказался так умен, понятлив и прозорлив. Полный самых смелых и честолюбивых замыслов, царь и в самом деле мысленно не раз примерял корону византийских цезарей на свою голову. Так постепенно между царем и Никоном сложились особые доверительные отношения, которые отчетливо проявились в тот момент, когда Алексей, отступая от «Уложения 1649 года», наделил Новгородского митрополита Никона чрезвычайными полномочиями.

Что касается «Уложения 1649 года», то оно представляло собой любопытный исторический документ, который, затрагивая многие важные аспекты государственного, административного, гражданского и уголовного права, долгое время, вплоть до начала 19 века, оставался основным действующим сводом законов в стране. Немало страниц этого рескрипта, более

известного, как «Уложение Алексея Михайловича», было посвящено правовым взаимоотношениям Церкви и Царства.

Так, исходя из содержания «Главы о посадских людях», следовало, что правительство, ликвидируя само понятие и существование «белых слобод», одним росчерком пера превращало всех обитателей этих слобод из вольных «предпринимателей» в тягловое население.

Почему «предпринимателей»? Потому что «белыми слободами» в Московском государстве назывались те населенные пункты, которые, находясь в собственности церковных учреждений: храмов, лавр, монастырей и многочисленных приходов, были подвластны только церковным властям. Подпадая под юрисдикцию Церкви, жители этих слобод и посадов широко пользовались всеми теми правами и привилегиями, которые распространялись на саму Церковь, то есть не платили никаких податей со своих ремесленных промыслов в казну государства.

Но помимо «белых слобод» на территории государства существовало немало и других слобод, и посадов, городские обыватели которых, обложенные различными налогами, вынуждены были исправно отчислять их из своих доходов как в казначейство по месту регистрации своей деятельности, так и в казну страны.

Естественно, что наличие столь явного перекоса в условиях возникновения и развития церковного и государственного секторов индивидуального предпринимательства, рано или поздно вынудило бы правительство этот перекося ликвидировать. Что Алексеем и было сделано!

«Уложение 1649 года», закрепляя равные кабальные условия для всего сектора «малого бизнеса», перевело все «белые слободы» в собственность государя «безлетно и бесповоротно», а для того, чтобы подобный прецедент никогда более не имел места, «Уложение» запретило монастырским крестьянам приобретать в частную собственность тяглые дворы, лавки, погребца, амбары и соленые варницы.

Лишая Церковь многих излюбленных ею привилегий, «Уложение» не позволяло ей впредь расширять и свои территориальные владения как покупкой земли, так и получением ее в дар или на помин душ. Но, раскулачивая Церковь как крупного земельного собственника, Царство покусилось и на ее внутреннюю свободу, предусмотрев создание нового ведомства – Монастырского приказа. По замыслу авторов «Уложения», каковыми являлись трое бояр – князя Одоевский, Прозоровский и Волконский и два дьяка – Леонтьев и Грибоедов, это чисто светское учреждение, должно было подменить собой институт епископских судов. Иными словами, бояре получали полное право судить не только всех без исключения духовных лиц, но и самого патриарха.

Это был нонсенс!

Впрочем, вопрос о секуляризации церковного и монастырского имущества поднимался в Московском княжестве не впервые. Особенно остро он обсуждался в царствование Ивана III Васильевича, но тогда, опасаясь настойчивых притязаний своих многочисленных родственников на великокняжеский престол, Иван III счел целесообразным не ссориться с Церковью. И оказался прав! Ведь именно Церковь своей теорией божественной избранности светского правителя укрепляла его власть и влияние.

Так сложилось и имело глубокий смысл при Рюриковичах!

Но с приходом к власти Романовых, занявших престол не по праву наследования, а путем победы на выборах, теория – «царь-наместник Бога на земле» утратила былое хождение и значение. Первым Романовым куда важнее было задобрить крупных земельных собственников – дворян и бояр, представляющих подавляющее большинство Земского собора, нежели, продолжая традицию, смотреть сквозь пальцы на усиление Церкви.

Одним словом, выход в свет «Уложения 1649 года», нанесшего своими постановлениями сокрушительный удар по материальной и правовой базам Русской Поместной Церкви, можно

считать началом борьбы династического Дома Романовых за установление в стране самодержавия.

Но, как известно, правила часто грешат исключениями, а законы поправками. Не обошлось без оговорок и на этот раз. Выказывая митрополиту Никону свое особое к нему расположение, Алексей Михайлович позволил своему любимцу в пределах принадлежащей ему епархии вершить суд над духовенством и церковными людьми не только по церковным делам, но и по гражданским, то есть так, как это и водилось до «Уложения 1649 года».

Дальше – больше!

Несмотря на то, что Никон являлся лицом духовным, царь наделил его исключительным правом надзирать еще и за гражданским судом в Новгородской земле. И Никон широко пользовался предоставленными ему привилегиями, устанавливая контроль над деятельностью даже воеводского суда. Впрочем, если взглянуть на сложившееся положение вещей шире, то нетрудно заметить, что Новгородская митрополия, с одной стороны, стараниями самого Никона, а с другой, при явном попустительстве царя, получила в государстве статус «особого двора», который во многом напоминал «особый двор» патриарха Филарета – деда Алексея Михайловича.

ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ

К чести патриарха Филарета, следует заметить, что, представляя высшую духовную власть в стране, которая твердо зиждилась на позициях древнерусского православия, он предпринимал немало отчаянных шагов для сохранения нравственного здоровья в недрах Русской Православной Церкви. А для того, чтобы в делах церковных иметь больше возможностей для принятия самостоятельных решений, Филарет учредил в патриаршей области, расположенной в самом сердце России, сразу несколько патриарших приказов. Так «особый двор» патриарха имел не только свою законодательную власть, но и судебно-исполнительную, а если вспомнить, что церкви и монастыри располагали немалой земельной собственностью, то в пору заподозрить Филарета в симпатиях к папству, которыми он, легко мог заразиться в Польше, где провёл в плену девять долгих лет.

Но прежде, чем ему удалось осуществить задуманное, он царской грамотой от 20 мая 1625 года, объявив Московскую патриархию, превосходящую по размерам территорию любого из целого списка европейских государств, в подконтрольную патриарху область, превратил ее в некое «государство в государстве». Более чем сорок городов и уездов вместе со всеми церквями, монастырями и прилежащими к ним территориями вошли в состав Филаретова «особого двора». И снова, сколько не уклоняйся от параллелей, а невольная схожесть с папской резиденцией, расположенной на территории Рима, напрашивается сама собой.

Обращает на себя внимание и то, что тремя годами раньше, в 1622 году, Филарет провел через Собор «Постановление», закрепив за монастырями все те вотчины, что были ими приобретены – куплены или получены в дар после опубликования Соборного уложения 1580 года, прямо запрещавшего землевладельцам завещать, продавать или закладывать свои вотчины монастырям.

Правда, через год Филарет издал новый «Указ», но на этот раз, подчеркивая правомерность всех пожалованных духовенству и монастырям грамот, включая даже те, что уже были утверждены прежде, он строго настрого запретил церковным учреждениям приобретать новые вотчины. Отдельными статьями этого «Указа» оговаривалось, что в случае нарушения последнего распоряжения все вновь приобретенные земли будут бесповоротно конфискованы в государеву собственность. Единственное послабление, которое было сохранено за духовенством – это право принимать подношения на помин усопших душ, а бедным монастырям сверх этого позволялось расширять свои земельные владения только в том случае, если они будут пожалованы им государем по приговору Собора.

Впрочем, некая непоследовательность и нелогичность в поступках Филарета, легко оправдывалась тем, что, во-первых, он возглавлял не только Церковь, но и Царство, а во-вторых, для своего высокого церковного чина он не имел ни приличного богословского образования, ни опыта церковно-приходской деятельности. Придя в аскетический мир духовного служения не по велению сердца, а по принуждению – путем насильственного пострижения, он вершил свои патриаршие дела скорее по наитию и разумению, нежели по канонам Священного писания, которое по утверждению современников знал весьма поверхностно.

Более светский правитель, чем духовный деятель Филарет и действовал в рамках, усвоенных им еще с юности представлений о величии, суровости и высокой требовательности прирожденного царя по отношению к своим подданным. Ярким и единственным примером такого самодержца служил для Филарета образ незабвенного Ивана IV Васильевича Грозного, при дворе которого он, собственно говоря, вырос и прошел первые жизненные университеты. Явная неспособность Филарета Никитича избавиться от навязчивых и довлеющих над

его сознанием стереотипов жесткого и деспотичного правителя Ивана Грозного, в конце концов, превратила родоначальника новой династии Романовых в невольного реаниматора крайне непопулярных методов правления предпоследнего Рюриковича.

Но удержать Русь в узде уже изживших себя патриархальных представлений об устройстве семьи, мира и человеческих взаимоотношений было не так-то просто! Близкое и непосредственное знакомство с Западом, который явил заскорузлomu в невежестве боярско-дворянскому сословию Москвы пример иного образа и уровня жизни, заставило его наиболее гибкую и прогрессивно мыслящую прослойку критически переосмыслить свое бытие и наметить новые приоритеты как в своей собственной судьбе, так и в судьбе своего отечества. Однако, прельщаясь сверх всякой меры теми правами и свободами, которое западное общество охотно предоставляло каждой отдельной личности, они упускали из вида главное, а именно, те страшные и необратимые последствия, к которым подобная вседозволенность приводила на практике – к катастрофическому оскудению нравственной глубины и чистоты души.

Но процесс был запущен, и его уже невозможно было остановить! Причем, стремительность этого процесса возрастала тем больше, чем разнообразнее становились экономические, политические и дипломатические контакты России с Западным зарубежьем. И если светское сообщество Москвы, вступая без всякой опаски на зыбкую почву духовного раскрепощения, тянуло за собой в это болото и все Царство, то Церковь, перенявшая и сам религиозный дух, и культуру православного вероисповедания с Востока, твердо стояла на позициях святости и нерушимости русского нравственного домостроения. Прилагая в этих новых для себя условиях существования огромные усилия для того, чтобы оградить страну от чужеродного и глупого влияния Запада, Церковь неизбежно должна была прийти и пришла к неотвратимому разрыву «симфонических» отношений с Царством!

Впрочем, если говорить о церковной жизни Московской Руси в целом, то она была поставлена на вполне разумное и прочное основание. Вся вертикаль русского духовенства – от низшего сословия до высшей церковной иерархии, была проникнута пониманием единства и соборности. Но понимание это никак не мешало тому, что приходское – белое духовенство избиралось мирянами из своей простонародной среды, а монашество – черное духовенство было доступно всем без исключения сословиям, в том числе и людям из княжеских и боярских родов. А это значило, что все новички, какое бы положение в обществе они в своей прежней жизни ни занимали, начинали движение вверх по карьерной лестнице с одной стартовой площадки вместе с принятием пострига и нового имени.

Собственно говоря, и вхождение боярина Федора Никитича Романова на духовную стезю хоть и начиналось вопреки его внутреннему убеждению, но на равных правах со всеми остальными чернорясниками и под новым именем Филарет.

Труден и извилист был путь антониево-сийского затворника к патриаршему престолу. Уличенный в 1601 году царем Борисом Годуновым в заговоре, насильно постриженный по приговору суда в монахи и заточенный в острог Антониево Сийской обители, Филарет был освобожден из неволи первым Лжедмитрием в 1604 году и, пожалованный саном митрополита, возглавил Ростовскую епархию.

Через два года, свергнув польского ставленника и самозванца с русского престола, новый выбранный из бояр царь Василий Шуйский, намереваясь заручиться поддержкой сильного и влиятельного при дворе клана Романовых, призвал Филарета в Москву и пообещал ему в обмен на сотрудничество патриаршую кафедру. Но Филарет, считая своего малолетнего сына Михаила единственным законным и достойным наследником царской власти, организовал в Москве мятеж, направленный против засилья Шуйских. Организованный на скорую

руку, плохо спланированный и слабо вооруженный бунт Романовской оппозиции сторонникам Шуйского удалось подавить, и Филарету было приказано срочно покинуть Москву и впредь из Ростова никуда не отлучаться.

Но уже в следующем 1608 году митрополит Ростовский Филарет был взят в плен казаками второго Дмитрия самозванца и доставлен в его подмосковную столицу Тушино. Не признавая во втором Дмитрие чудесно спасшегося от расправы Дмитрия первого, московские власти вполне справедливо называли нового самозванца, настоящее имя которого было Матвей Веревкин, не иначе как Тушинским Вором. Здесь, в тушинском лагере, Филарет оказался в обществе многих и давних противников Шуйского, основное ядро которых составляли близкие родственники Романовых – Черкасские, Шереметевы, Салтыковы и иже с ними.

Историками и по сей день так до конца и не выяснено, чей же конкретно политический заказ выполнял Тушинский самозванец – польской шляхты или оппозиционного Василию Шуйскому боярства. Но, исходя из того, какую важную роль играли в Боярской думе в селе Тушино отдельные представители клана Романовых, то логично было бы допустить, что имелся во всей этой истории у Романовых свой и очень большой интерес. Ведь именно здесь, в Тушино, митрополит Филарет был посвящен в сан патриарха. Хотя, с другой стороны, сам Филарет никогда этому посвящению серьезного значения не придавал.

Как бы там ни было, а заговор Романовых, если он все-таки имел место быть, обернулся для страны большой кровью. Не желая даже в самых критических для себя обстоятельствах отказываться от Царства, Шуйский обратился с просьбой о военной помощи к шведскому королю Карлу IX – заклятому врагу польского короля Сигизмунда III. Последовавший вслед за этим союзнический договор, заключенный в 1608 году между Швецией и Москвой, и появление на территории Московского княжества шведских полков под командованием генерала Делагарди, заставило Сигизмунда подтянуть свои войска к русским границам.

Однако Шуйский, мало обращая внимания на действия польского короля Сигизмунда III Ваза, разбившего свой лагерь под осажденным Смоленском, жаждал только одного – уничтожить Самозванца, а вместе с ним и своих заклятых врагов – бояр Романовых. Но ни того и ни другого в жизни Шуйского так и не случилось. Все что объединенным русско-шведским полкам удалось сделать – это оттеснить тушинских казаков от столицы и заставить их спастись от превосходящих сил противника позорным бегством. Тушинский лагерь опустел, а потом и вовсе был сожжен, но не шведами, а брошенными Матвеем Веревкиным на произвол судьбы шляхтичами – казаками атамана Рожинского. И если Тушинскому Вору повезло и ему удалось, обхитрив и своих, и чужих, уйти от преследования, то сам Филарет и большая часть его сторонников оказались в плену у польских наемников.

В Москву Филарету удалось вернуться только в 1610 году, когда она уже была оккупирована польскими королевскими войсками под командованием гетмана Жолкевского, и взамен насильно постриженного в монахи Василия Шуйского было избрано временное правительство, названное по числу временщиков – «семибоярщиной». Но приближался 1611 год, и Москве, исходя из достигнутых между русской и польской стороной договоренностей, предстояло выбрать, а вернее признать новым русским царем сына Сигизмунда III – королевича Владислава.

Но одно дело принять такое решение за столом переговоров и совсем другое – понять, каждым нервом почувствовать, что страна, в которой ты родился и рос, которая называлась православной Русью, уже никогда таковой не будет. А будет она лишь куском, частью территории огромного польско-литовского католического королевства – Речи Посполитой. Предвидя, какой непоправимой трагедией может обернуться для русского народа избрание Владислава, Русская Православная Церковь в лице патриарха Гермогена решительно заявила, что не венчает польского королевича на царский престол до тех пор, пока он не примет православное крещение.

Дело с избранием Владислава застопорилось!

Между Москвой и ставкой польского короля под Смоленском завязалась бойкая дипломатическая переписка. Но время шло, а дело с места не двигалось. Да и терпение гетмана Жолкевского иссякало. Наконец, имея решительное намерение избавиться одним разом и от самой проблемы, и от тех, кто ее породил, он отправил к Сигизмунду великое боярское посольство во главе с главными смутьянами, коими оказались – митрополит Ростовский Филарет, князь Василий Голицын и боярин Михаил Салтыков.

Только и в ставке короля под Смоленском вопрос о вероисповедании будущего русского царя оказался настолько острым и неразрешимым, что лишил и ту, и другую сторону последней надежды договориться. Понимая, что глава посольства Филарет Романов – орешек твердый и тертый, Сигизмунда III переменял тактику и объявил послам о том, что имеет намерение оставить московский престол за собой. Услышав подобное заявление, глава посольства – Филарет, ссылаясь на то, что не уполномочен в данных обстоятельствах обсуждать сторонние предложения, уклонился от дальнейшего диалога.

Переговоры зашли в тупик!

И тут из Москвы польский курьер принес неожиданную весть о том, что братья Ляпуновы собрали дворянское ополчение и повели его против оккупационного режима польской шляхты.

Обвиняя Филарета в том, что тот умышленно затягивал переговоры, польский король приказал арестовать главных предводителей посольства и отправить их, как пленников, под конвоем в Краков.

Так Филарет вновь оказался в польском плену!

В Москву, на родину Филарет вернулся только в 1621 году, когда после нескольких неудачных попыток его сыну Михаилу Федоровичу, избранному Земским собором 1613 года русским царем, наконец-то удалось договориться с польской стороной о заключении мира и обмене пленными. Отец царя – сам царь! Так к имени Филарета сначала прибавился титул – «великий государь», а после избрания главой Русской Церкви и титул – «великий господин».

Годы, проведенные Филаретом вдали от дома, среди чужих людей, нравов, обычаев и веры, существенно обогатили его знания о странах и народах. Имея возможность воочию наблюдать сомнительные прелести западного свободомыслия во всей их неприглядной и отвратительной наготе, он до конца своих дней категорически противился обновлению русского бытия по западному образу и подобию. Столкнувшись по возвращении из плена с тем, что русское общество заражено нездоровым интересом к западничеству, он, спасая патриархальный домострой от разложения, не гнушался прибегать в своих действиях к самым жестким и непопулярным мерам. Но то, что в достаточно сложной и противоречивой личности патриарха Филарета наиболее любопытно, так это то, что, позиционируя себя надежным оплотом девственной чистоты древнерусского православия, он в то же самое время, подобно монархам целого ряда западных католических стран, являлся царем Церкви и царем Царства одновременно.

И кто знает, быть может, именно это обстоятельство, позволив Филарету сколько угодно долго экспериментировать в плоскости взаимодействия двух ветвей власти – духовной и светской, подвигло его на создание особой патриаршей области или отдельного «государства в государстве», устроенного наподобие папской области в Риме.

Обширная по своим размерам и сфере деятельности патриаршая область, созданная Филаретом, требовала от него неустанных забот и внимания. Движимый чрезмерным честолюбием и, добиваясь абсолютной полноты власти, патриарх не только устраивает все в своей епархии по образцу государева Двора, организовывая класс патриарших дворян и боярских

детей, пожалованных поместными окладами, но и получает от царя согласие на уничтожение несудимых грамот, выданных когда-то церквям и монастырям. Отныне на территории патриаршей области только он один имеет право вершить суд и ведать делами духовных лиц и прочего прописанного в патриаршей области населения, кроме отдельно оговоренных случаев разбоя и грабежей.

Являясь абсолютной копией светского государства, в патриаршей области использовалась и аналогичная ему структура чиновничьего аппарата. Это особенно наглядно усматривается в системе патриарших приказов. Первый приказ – судный, занимался приемом и процессуальной процедурой судебных исков; второй – приказ церковных дел заведовал исключительно делами церковного благочиния; третий – казенный приказ организовывал сбор податей с духовенства; четвертый – дворцовый осуществлял надзор за хозяйством патриарших вотчин. Во главе каждого приказа стоял патриарший боярин, в подчинении которого находились служащие более низкого звания – дьяки и подьячие. Все дела в патриаршей области, опять же в подражание царскому Двору, начинались с доклада «великому господину».

Но хуже всего от столь непривычного устройства царства Московского приходилось служилым людям, которые вынуждены были официально согласовывать свои насущные потребности с патриархом Филаретом, а формально с царем Михаилом Федоровичем.

Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что энергичная и деятельная натура Филарета, проявилась не только в устройстве патриаршей области, но и в иных делах, связанных с укреплением авторитета и позиций Церкви в обществе. Так по инициативе Филарета в начале семнадцатого века состоялась канонизация двух святых – Макария Унженского в 1619 году и Авраамия Галицкого в 1621 году.

Настоящим триумфом православия и важным внешнеполитическим актом, возвышающим значение Русской Церкви среди прочих православных автокефалий, было обретение патриархом «Срачицы (исподней сорочки) господней» – реликвии, присланной в Москву персидским шахом Аббасом в знак искренней и преданной дружбы.

Немало усилий приложил Филарет и для того, чтобы возобновить, прерванные во время Смуты отношения с греческими и восточными православными церквями. С одной стороны, это событие явилось безусловным прорывом Русской Церкви в большой православный мир, но с другой, породило огромную армию «христарадников», которые, как черные стаи перелетных птиц, с первыми признаками потепления толпами устремлялись в далекую и сытую страну Московию за щедрым подаванием и милостыней.

В 1622 году, строго блюдя за нравственностью и благонаравием в своем приходе, Филарет издает Указ, запрещающий некрещеным татарам принимать в работники и призывать на службу православных верующих, а тем более селить их в своих дворах, где, по сведениям патриарха, царили блуд, ересь и творились «скарденные дела».

Не давал покоя Филарету и низкий уровень нравственности в самой Москве. Так в 1627 году было издано сразу два Указа, предусматривающих опалу и духовное наказание за устройство срамных игрищ, колядований и прочих языческих «нелепиц».

Большую огласку получил в 1632 году процесс по делу князя Ивана Хворостинина – фаворита Дмитрия I «Иоанновича», обвиненного в безверии и сосланного на Белоозеро для исправления. Однако последний был обвинен, главным образом, не за то, что состоял в интимной дружбе с Самозванцем, а в том, что, свершая содомский грех, еще и тяготел к католичеству: держал в доме иконы и книги западного образца, кичился несоблюдением обрядов и вообще имел нескрываемое намерение сбежать в Литву.

Много внимания уделял Филарет печатанью и правке богословских книг. Так в 1620 году патриарх возобновил Печатный двор на Никольской улице Китай-города, который был сожжен поляками в 1611 году. В новой типографии предусматривалось не только особое помещение для работ справщиков, но и просторная комната, в которой, по приказанию Филарета Ники-

тича, должны были храниться все, собранные по стране древние харатейные книги. Именно таким незамысловатым образом было положено начало знаменитой в последствие типографской библиотеке.

Книги, изданные на Никольском Печатном дворе, рассылались по городам и церквям бескрайней Московии, как правило, по цене себестоимости, без учета прибыли, а в Сибирь – и вовсе бесплатно.

Испытывая острый недостаток в людях, образованных и сведущих в богословских науках, патриарх заботился и об открытии в стране богословских учебных учреждений, призывая архиепископов к созданию училищ при архиерейских домах. Не ограничившись одними только призывами, он и сам завел в Чудовом монастыре греко-латинское училище, назначив смотрителем Арсения Глухого.

В 1627 году государь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич запретили москвитам покупать книги, изданные в Западной Руси – в Киеве, Львове, Вильно и других городах, подозревая западнорусских священников в приверженности к римско-католическим знаниям.

С большим подозрением относился Филарет и к западным переселенцам. По его повелению Церковь, прежде чем принимать беженца с Западной Руси в лоно царства Московского, должна была крестить его заново, причем с полным погружением в освященную воду, а не обрызгиванием, как это широко практиковалось на Западе.

Несмотря на то, что Западная Русь значительно превосходила Русь Московскую и в культурном, и в научном развитии, патриарх с большой неохотой принимал помощь киевлян, выказывающих желание приехать в Москву и оказать епархии помощь как в становлении образования, так и в исправлении богословских книг. В данном случае он считал более правильным и полезным для сохранения чистоты православия опираться на помощь греков. И когда в 1632 году греческий архимандрит Иосиф, помощник священнослужителя Кирилла Лукариса, приехал за милостыней в Москву, Филарет обратился к нему с предложением, организовать в Москве богословскую школу. Откликаясь на просьбу патриарха, Кирилл Лукарис, ставший в 1633 году Константинопольским патриархом, выслал Филарету несколько греческих книг, содержащих резкую критику католицизма, для перевода их на русский язык. Более того, в расчете на дальнейшее взаимовыгодное укрепление отношений с Москвой, Лукарис предложил Филарету свою личную помощь и в подборе учителей для вновь создаваемой богословской школы в Москве. Однако осуществить все задуманное Филарет не успел.

1 октября 1633 года в возрасте неполных 80 лет от роду патриарх Филарет скончался.

Робость и нерешительность его последователей, сначала патриарха Иосафа, а после него и патриарха Иосифа привели к тому, что Церковь, погрузившись на долгое десятилетие в состояние сомнамбулического сна, являла собой к середине семнадцатого века жалкое зрелище, состоящее из гремучей смеси чуждых друг другу религиозных культов – православного благонравия и языческого лицедейства. Первые и неуверенные попытки нижегородских «ревнителей» отделить одно от другого и очистить Церковь от языческой скверны только тогда обрели силу и простор для творческих инициатив, когда в 1649 году заручились поддержкой царя Алексея Михайловича и получили статус государственного заказа.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Но даже и тогда, натолкнувшись в лице патриарха Иосифа на человека крайне осторожного, нерешительного и чуждого всякого рода новшествам, «ревнителям благочестия» мало что удалось совершить. Вязли в демагогических перепалках с консерваторами от Церкви и многие личные инициативы царя и его духовника Стефана Вонифатьева. Отношения между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Иосифом настолько испортились, что в них уже не было места взаимопониманию и взаимодействию. Дело культурного оздоровления русской церковно-обрядовой практики оказалось под угрозой.

Все, о чем Церкви и Царству удалось к концу 1651 года договориться, так это разрешить двухлетний спор о «многогласии». Но торжество царя и его окружения по поводу признания патриархом Иосифом, а вслед за ним и Церковным собором 1651 года канонической непреложности «единогласия» оказалось преждевременным. Преобладающее большинство проповедников, игнорируя постановление Собора, продолжали вести службу по старинке, выбирая число голосов сообразно своему разумению, а слабый, старый и уже больной патриарх не имел в себе достаточных сил для того, чтобы, употребив власть, призвать нарушителей к ответу.

Большую озабоченность в обществе вызывали и явно популистские намерения царя, связанные с его желанием добиться единообразия в служебном порядке Русской и Восточной Церквей, что предполагало переход Русской Церкви на новый Иерусалимский устав. Однако подобная постановка вопроса не устраивала не только Церковь, но и практически всю столичную общественность, включая и «ревнителей благочестия».

Чувствуя, что большая часть кружковцев не одобряет церковной реформы, связанной с переходом на новый Устав, царь еще в июле 1649 года отправил на Восток, в самый центр православного мира – в Афонскую гору – ученого монаха Арсения Суханова с поручением, выяснить насколько чиста и правильна русская вера.

Выехав из столицы в свите Иерусалимского патриарха Паисия, он вынужден был вместе с ним сначала посетить Молдавию и Украину и только потом проследовать дальше, надеясь побывать в Египте, Сирии и Константинополе. Была у Арсения помимо основной задачи и другая, не менее важная, собрать литургические древние материалы и провести исследования правильного греческого богослужения.

Но поскольку остановка в Молдавии оказалась более продолжительной, чем Суханов планировал, то, дабы не терять времени даром, он вступил с Афонскими монахами в переписку и летом 1650 года на свой запрос к ним о том, что есть чистое православие, успел получить ответ. Вся суть изложенного в этом ответе разъяснения сводилась к тому, что тамошние греки, находя русские богослужебные книги еретическими, поскольку в них предписывалось слагать крестное знамение не в три перста, а в два, сожгли их на костре.

Возмущенный поступком греков до глубины души, Суханов, основываясь на исторических фактах, попытался с ними объяснить. Но тщетно! Единственное в чем он окончательно убедился так это в том, что греки крайне враждебно относятся к «русскому обряду». Причем, действительно, что требуют, чтобы Русская Церковь одумалась и, следуя их примеру, не уклонялась от греческих обычаев.

Понимая насколько эти сведения важны, Суханов, временно приостановив путешествие, вернулся в Москву и представил результаты своей переписки с греками на рассмотрение правительству. Правда, как истинный ученый и востоковед, он представил их не в «голом» виде, а сопроводил личными комментариями, получившими впоследствии название «Трактат о вере». Из «Трактата» следовало, что в греческом православии «ручьи Божественной мудро-

сти» высохли и что «греки не тот источник», из которого можно было бы пить и полниться истинным учением о вере Христовой.

Мотивируя свои выводы, Суханов обращал внимание царя на то, что восточные патриархи, проживая длительное время на территории, оккупированной турками – народом, исповедующим ислам и пребывая в постоянной зависимости от милостей султана и его визирей, утратили божий дух и крепость веры. Господство мусульманской религии на Востоке, отмечал Суханов, отразилось и на состоянии греческих церквей, которые находятся в таком запустении и расстройстве, что вынуждены не только влачить жалкое существование, но и пользоваться богослужебными книгами, напечатанными в католических типографиях.

Сведения, добытые Арсением Сухановым и получившие широкое распространение в Москве, никого не оставили равнодушными. Но если консервативно мыслящая часть общества, ликуя, провозглашала, что православие, исповедуемое Русской Церковью, не только превосходит по чистоте и истинности греческую веру, но и не нуждается в улучшении, то Двор отреагировал на комментарии Сухова более сдержанно.

Выделив из целого ряда приведенных доказательств только те, которые четко комментировали факт расхождения в обрядовой службе двух Церквей, царь Алексей Михайлович, устыдясь русского невежества, готов был немедленно приступить к устранению позорного явления. Таким образом, если в правительственных кругах вопрос о переходе Русской Поместной Церкви на Иерусалимский Устав был делом почти решенным, то в среде русского священства, поддержанного «ревнителями благочестия», бытовала крепкая уверенность в том, что с обрядами у Русской Церкви все в порядке и менять их никакой нужды нет.

Особенно тяжело пришлось в эту горячую пору Стефану Вонифатьеву. Не высказываясь ни «за», ни «против» церковной реформы, он долгое время пытался усидеть на двух стульях сразу, пытаясь найти золотую середину, которая устроила бы царя и его старых друзей – «ревнителей благочестия».

Что же касается самих «ревнителей», возглавляемых Иваном Нероновым, то они, категорически не принимая витающую в обществе идею о реформировании обрядового богослужения по греческому образцу, твердо стояли на позициях культурного перерождения Церкви в рамках действующего Устава. Против унификации церковных обрядов выступал и патриарх Иосиф.

Понимая, какую страшную угрозу обществу таит в себе затеваемая царем смута, Иосиф, как мог, отодвигал неминуемое, желая спасти Церковь от надвигающейся на нее катастрофы. Но в апреле 1652 года патриарха Иосифа не стало, и с этого момента будущее Церкви целиком и полностью оказалось во власти одного человека – царя Алексея Михайловича.

Впрочем, было бы большим заблуждением полагать, что все это время царь Алексей проводил в бездействии, ожидая, когда престарелый патриарх Иосиф естественным образом развяжет ему руки. Напротив, не настаивая на созыве Церковного собора, который только один и должен был определить будущее Церкви – унификация или реставрация церковных обрядов, царь предпринимает некоторые шаги самостоятельно.

Отталкиваясь от эмоциональных обобщений Арсения Суханова, прямо указывающего на то, что греки печатают свои богословские труды в католических типографиях, царь Алексей, испытывая острую нужду в переписчиках и справщиках богослужебных книг, выписывает в Москву известных своей образованностью малороссийских ученых и переводчиков.

В этой связи уместно заметить, что в древнерусской письменности до середины семнадцатого века не существовало полного и отредактированного издания Библии. Русская церковная иерархия, поднимая время от времени небывалый шум то из-за нестроения церковных

обрядов, то по поводу секуляризации монастырских земель, на протяжении многих веков спокойно обходилась без основного священного текста Слова Божия.

Естественно, что для просвещенного Запада выявление столь вопиющего факта, как отсутствие у русских книг Священного писания – Ветхого и Нового заветов, свидетельствовало, как минимум, о крайне низком уровне образованности русского духовенства и, как максимум, о всеобщем невежестве русского народа. Поэтому перед киевскими учеными стояла задача первоочередной важности – осуществить перевод Библии с греческого языка на славянский.

Что же касается числа книг, имеющих в те далекие времена в хождении, то их на Руси было чрезвычайно мало, а потому каждая из них ценилась на вес золота, подлежала строгому учету, бережно хранилась и бесконечное число раз переписывалась. Но человек – не машина. Плохое знание языка переводчиком, невнимательность или нерадивость переписчика, и книга, неся в себе не только грамматические, но и догматические ошибки, становилась испорченной. Огромное количество книг погибло или бесследно пропало в тяжелые годы лихолетья и разорения. В попытках восстановить разрушенное за годы Смуты церковное хозяйство, а вместе с ним и заметно оскудевший книжный фонд, к работе по переписке книг привлекались все, кто разумел в грамматике и правописании. Но, не имея специального богословского образования, такие переписчики, толкуя священные тексты каждый на свой лад, засоряли их новыми ошибками. В такой ситуации единственным спасением от крамолы могли бы быть изданные или вновь переизданные первоисточники, которые Русь тем или иным путем получала с Востока. Но бедственное положение самой Восточной церкви и прерванные с ней в годы польской оккупации отношения лишили Русскую церковь и этого последнего притока богослужебных изданий.

Ошибочно полагая, что расхождение в обрядовой практике двух Церквей – Русской и Восточной произошло из-за неверного перевода греческих первопечатных книг, Алексей Михайлович развернул широкую кампанию по исправлению русских рукописных изданий.

Первыми в Москву по приглашению царя прибыли авторитетные и уважаемые в своей среде языковеды и богословы Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, к которым чуть позже присоединился и Дамаскин Птицкий, сменивший арестованного Арсения Грека.

Все они – и **Епифаний Славинецкий, и Арсений Сатановский, и Дамаскин Птицкий** были выбраны Алексеем из числа прочих киевских ученых неслучайно, а по той одной причине, что, будучи выпускниками Киевской академии, они, помимо своего родного языка, свободно владели еще двумя – славянским и греческим, необходимыми для исправления церковных книг.

Впрочем, нанятые царем ученые, кроме исполнения основного заказа, часто привлекались светской и духовной властями к составлению и переводу различных общеобразовательных пособий и энциклопедических справочников, главным образом по географии и по космографии, которые пользовались у москвичей большим спросом, особенно при Дворе и в Посольском приказе. Книги такого содержания прежде в ограниченном количестве выписывались из-за границы, главным образом из Польши. А ныне в переводах Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского поступали в продажу сообразно установившемуся на них спросу. Так в большом ходу были такие издания Славинецкого, как «География», «Врачебная анатомия», «Гражданство» и «Обучение нравов детских». А также книга «О граде царском» и сборник всякой всячины, принадлежащие перу Сатановского.

Нельзя не упомянуть и еще об одном моменте, с которым было связано приглашение киевских ученых в Москву. Ведь изначально планировалось, что они будут использованы в качестве преподавателей «риторского учения», но нашлись ли у них ученики, желающие развивать в себе дар красноречия или таковых не оказалось, история о том умалчивает.

Зато доподлинно известно, что отношения приезжих киевских знаменитостей с московскими доморощенными справщиками книг, которые из-за плохого знания языков, вносили в тексты много ошибок, складывались очень непросто. Особенно осложнились они после скандального разоблачения еретической сущности Арсения Грека. И тщетно Епифаний Славинецкий, обращаясь к патриарху Иосифу и царскому духовнику Стефану Вонифатьеву, жаловался на неумелых переписчиков, и тот, и другой, оставляя его ходатайства без рассмотрения, объясняли придирки ученого обычной заносчивостью. Так что нетрудно себе представить, насколько болезненно воспринимались русскими справщиками укоры киевских ученых. И понятно почему! С каждым новым замечанием справщики невольно превращались в искажителей. А быть заклеяменными таким страшным словом, как «искажитель», значило потерять работу и доверие царя. Тем более, что на слуху еще жива была история, связанная с одним из иноземных просветителей – Арсением Греком, оказавшимся трижды вероотступником.

Разоблачение Арсения Грека, наделавшее в Москве много шума и вызвавшее справедливое недоверие как к самому почину исправления книг, так и к малороссийским справщикам, всколыхнуло очередную волну дискуссией, связанных с церковной реформой. Подвергнув репутацию Иерусалимского патриарха Паисия большому сомнению, противники реформы поставили под большой знак вопроса и справедливость всех его замечаний относительно отступления Русской Церкви от истинного православия. Обращаясь к общественности Москвы, они не без известного резона призывали ее серьезно задуматься над тем, а можно ли и должно ли доверять мнению служителя Церкви, который выступает поручителем такого беспринципного и разуверившегося в Боге человека, как Арсений Грек? Не таков ли он сам?!

А все дело было в том, что в Москву Арсений Грек был привезен и отрекомендован царю Алексею, как человек грамотный, образованный и достойный во всех отношениях, все тем же Иерусалимским патриархом Паисием.

Что же касается биографии Арсения Грека, то истории известно, что родился он в турецком городе Трикале где-то около 1610 года. Образование получил в Риме, окончив курс в греческой иезуитской коллегии. Но страсть к знаниям у Арсения была настолько сильной, что ради науки он совершил святотатство и принял католичество. Это первое отступничество позволило ему продолжить обучение в Венеции в Падуанском университете. Но полученных знаний по философии и медицине Арсению вновь показалось недостаточно и он, вернувшись в Константинополь в лоно своей Церкви, постригся вторично и, приняв чин православного монаха, погрузился в изучение богословия. Однако вскоре жизненные перипетии заставили Арсения отречься от своей веры во второй раз и перейти в магометанство. Скитаясь по Валахии и Молдавии, этот дважды расхристанный грек, нахватавшись лукавых премудростей варварских народов Востока, вновь вернулся на родину и в третий раз прошел обряд православного крещения, но лишь для того, чтобы в скором времени, очутившись в Польше, назвать себя униатом.

Очаровав польского короля своей ученостью и многознанием, Арсений не только прижился в его дворцовых апартаментах, но избавил своего господина от какой-то трудно поддающейся излечению болезни. Но новые странствия и жажда впечатлений позвали Арсения в путь и он, заручившись на всякий случай королевскими рекомендациями, направился из Кракова в Киев, где и повстречался с Иерусалимским патриархом Паисием. Войдя к нему в доверие, Грек примкнул к его свите и, как и намеривался, сначала посетил Малороссию, а потом вместе с патриаршим посольством прибыл в Москву.

Шел 1649 год. Москва вступала в новую эпоху – эпоху просвещения. В столице открывалось множество учебных заведений – церковно-приходских школ, училищ, в которых чувствовалась острая нехватка учителей.

Доверяя тем лестным оценкам, которые Паисий Иерусалимский дал своему случайному попутчику, царь Алексей встретил ученого грека с распростертыми объятиями, предложив ему доходную должность преподавателя «риторского учения» в училище при Чудовом монастыре.

Учительский бум в ту пору в Москве был настолько оживленный, что даже один из близких друзей царя – Федор Михайлович Ртищев – открыл под Москвой при Андреевском монастыре школу, куда затребовал сразу тридцать ученых монахов для перевода иностранных книг на русский язык. Но одновременно эта школа служила и для обучения всех желающих греческой, латинской, славянской грамматике, а также риторике и философии. Причем, Федор Ртищев был настолько увлечен новизной затеваемого им предприятия, что и сам записался в студенты этой школы, а потом целые дни и ночи проводил в умозрительных беседах с учеными мужами, испытывая от подобного общения небывалое удовольствие. Со временем примеру Ртищева последовали и другие московские служилые люди, получив по оценкам того времени вполне приличное образование.

Однако преподавательская карьера Арсения Грека, не успев как следует начаться, закончилась вскоре после того, как курьер доставил царю Алексею Михайловичу письмо от выехавшего на Восток в составе посольского обоза патриарха Паисия, московского ученого, келаря Троице-Сергиевой лавры Арсения Суханова. В письме черным по белому излагались все неприглядные факты странной и запутанной биографии скитальца по миру, слуги многих господ, безбожника и авантюриста Арсения Грека. Подробности, которыми изобиловало данное сообщение, как следовало из признания самого Суханова, были выведены им у патриаршего казначея.

Сведения, доставленные царю с нарочным, были настолько скандальными, что их не удалось утаить от общественности, и скоро об изолгавшемся интригане судачила вся Москва. Пережив нечто наподобие шока, патриарх Иосиф и царь Алексей Михайлович почувствовали себя не просто одураченными, но и глубоко оскорбленными. Их уязвленное самолюбие жаждало удовлетворения. Арсений Грек был немедленно арестован и после дознания, проведенного с особым тщанием, объявлен «еретиком» и сослан для «исправления веры» в Соловецкий монастырь. Игумену монастыря – Илье было строго на строго наказано держать дерзкого «еретика в крепости, в земляной тюрьме».

Гнев судей был настолько суров, что никакие уверения несчастного в том, что он исповедался и причастился у самого патриарха Паисия и что тот, отпустив ему тяжкий грех, благословил его на дальнейшее служение во славу «Господа нашего», не были приняты во внимание.

Конфуз, который пришлось пережить царю по вине Паисия Иерусалимского и отголоски которого еще долго витали в столичном обществе, никак не повлиял на общий ход событий и не подвиг Алексея Михайловича быть более осмотрительным в выборе деловых партнеров.

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

История появления на свет второго царя из рода Романовых – царевича Алексея хоть и окружена ореолом таинственности, но при более пристальном рассмотрении по-житейски обыденна и проста. Отец Алексея – царь Михаил Федорович женился, по понятиям того времени, поздно. Ему было тридцать лет, когда после двух неудачных попыток создать семью, он, наконец-то, выбрал себе в жены дочь бедного Можайского дворянина, девицу зрелую – Евдокию Стрешневу. Ей на ту пору исполнился двадцать один год. Евдокия была простой, покорной и не способной за себя постоять.

Судя по всему, робкая и неприметная молодая царица вовсе не подходила на ту роль, которую ей уготовила судьба. А, впрочем, от нее такой жертвы и не требовалось. Свекор Евдокии – патриарх Филарет и свекровь – великая старица Марфа, ограждая свое единственное и великовозрастное дитя от непосильного бремени государственных забот, вершили судьбу страны по своему усмотрению. И, к слову сказать, сам Михаил Федорович, не унаследовав от родителей и малой доли честолюбия, никогда не стремился к власти, представляя на троне фигуру скорее парадную, нежели авторитарную. Более того, природа, создавая царя Михаила для чего-то иного, но только не для хлопотного царского дела, была к нему не особенно щедра и не наделила ни глубоким умом, ни сильным характером, ни крепким здоровьем. Так еще будучи юным отроком, сосланным Борисом Годуновым вместе с родными тетками в далекий северный край на Белоозеро, он занемог страшным и неизлечимым недугом – камчугою в ногах и с тех пор маялся и боролся с тяжелой хворью без видимых успехов.

Не испытывал Михаил, сердце которого навсегда было отдано его первой любви – Марии Хлоповой, никакой особой нежности к своей молодой супруге и выбрал ее из числа многих представленных на смотрины красавиц более за кроткий и незлобивый нрав, чем за красоту лица и иные женские достоинства. Здоровая, статная, крепкая на вид Евдокия как нельзя лучше подходила на ту роль, которая ей отводилась при Дворе. Главной обязанностью государыни являлось вынашивание, рождение и воспитание здорового потомства и в первую очередь – наследника.

Десять детей подарила Евдокия Стрешнева своему супругу за девятнадцать лет безрадостного и не согретого взаимной нежностью и привязанностью супружества. Первой в 1627 году на свет появилась дочь Ирина, второй в семье в 1628 году снова родилась девочка, названная Пелагеей. Но, всякий раз принимая от повитухи новорожденных дочерей на руки, Михаил сожалел о том, что это не мальчик. Он ждал сына, Филарет и Марфа – внука, а государство – царевича!

В конце концов, утратив последнюю надежду обрести сына, супруги обратились за помощью к известному Соловецкому затворнику и чудотворцу – старцу Елеазару Анзерскому. Откликаясь на просьбу царской четы, Елеазар приехал в Москву и, как принято считать, вымолил у Бога для Михаила и Евдокии сына. Смущало во всей этой истории только то обстоятельство, что старец Елеазар не сразу был отпущен Михаилом Алексеевичем в свою обитель, а удерживался в Чудовом монастыре целый год до тех пор, пока предсказанное им пророчество не исполнилось.

Впоследствии этот и многие иные факты, связанные с появлением царевича Алексея на свет, породили в народе немало досужих сплетен. Но все они, в общем-то, сводились к одному весьма любопытному слуху, который, многие годы спустя, распространял один курский рассыльщик по имени Стенька Негин, будто «де государь царевич Алексей Михайлович – царевич подменный»!

Подозрения в законности новорожденного появились вскоре после его рождения в 1629 году, потому как после Алексея в семье царя Михаила до царевича Ивана, появившегося на свет в 1633 году, вновь рождались одни девочки. В 1630 родилась Анна, в 1631 – Марфа. Но, в отличие от крепких и здоровых девочек, мальчики, а в особенности Иван, представляли собой существа слабые, болезненные и нежизнеспособные.

Опасаясь за жизнь единственного наследника, царь Михаил Федорович ожидал от жены рождения других сыновей, но все его старания оказались напрасными. И следующими в семье снова появились дочери: в 1634 – Софья, в 1636 – Татьяна, в 1637 – Евдокия. Отношения между супругами расстроились настолько, что Михаил стал всерьез подумывать о расторжении брака с Евдокией. И вдруг, после долгих постов, молитв и пожертвований Богу, Евдокия Лукьяновна в 1639 году разродилась от бремени мальчиком, названным Василием! Но радость отца оказалась недолгой! Сердце новорожденного перестало биться едва он успел появиться на свет. А несколькими днями позже в возрасте неполных шести лет скончался и средний сын царя – царевич Иван. Вопрос о престолонаследнике приобрел еще большую остроту.

А между тем после не совсем удачных родов царевича Василия царица Евдокия до самой смерти царя в 1645 году оставалась бесплодной и между супругами, будто черная кошка пробежала. Между ними начались раздоры и долгие размолвки. И напрасно Евдокия Лукьяновна и Михаил Федорович самозабвенно молились, выказывая безграничную веру в святые мощи преподобного чудотворца Александра Свирского, которые своими руками уложили в богатую серебряную раку, накрыв плащаницей, вышитой золотом, серебром и жемчугом. «Бог не благословил этого благочестивого ходатайства».

Отныне все надежды царства Московского на благостное и стабильное процветание династии были связаны с единственным и законным престолонаследником – царевичем Алексеем.

Алексею Михайловичу едва исполнилось шестнадцать лет, когда он лишился сразу обоих родителей – и отца, и матери. Смерть самых близких и дорогих ему людей случилась неожиданно не только для него, но и для всей земли русской. И хоть все в государстве знали, что царь Михаил Федорович «скорбен ногами» и что его «до возка и из возка носили в креслах», но никто не считал его недуг опасным, а тем более смертельным. Определенный оптимизм, связанный с долгим царствованием первого Романова, внушал и молодой возраст царя – сорок девять лет. И объяснялся он тем одним, что его родитель – государь и патриарх Филарет покинул бренный мир восьмидесятилетним старцем.

Однако коварство такого, на первый взгляд, легко распознаваемого недуга, как подагра, состояло в том, что, нарушая солевой обмен в организме больного, он разрушал его изподволь, способствуя на первых этапах заболевания неполному и затрудненному выведению жидкости из организма, а со временем и ее чрезмерному накоплению. Больной буквально набухал на глазах и медленно и мучительно умирал, отравляясь собственными шлаками и нечистотами.

Но хуже всего в этом заболевании было то, что, передаваясь по мужской линии, оно неизбежно обрекало мужскую ветвь Романовых на скорое угасание.

Немногим чуть дольше месяца задержалась на белом свете после описываемых событий и Евдокия Лукьяновна Стрешнева, скорая кончина которой и вовсе повергла всех в полное недоумение. Хотя, чему тут было удивляться? Частые беременности, которые следовали одна за другой, осложненные роды, выхаживание слабых и уже пораженных тяжелым недугом мальчиков, и болезненных девочек, не оставляли молодой женщине никаких шансов на восстановление защитных сил организма. Мало способствовали расцвету ее красоты и те надрывающие материнское сердце утраты, которые ей пришлось пережить в своей жизни не однажды. Так только четверо детей Евдокии Лукьяновны – три дочери: Ирина, Анна и Татьяна, да сын Алек-

сей дожили до зрелых лет, а шесть остальных – умерли в младенческие годы. Тридцать семь лет – таким недолгим оказался бабий век царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой.

Раннее сиротство царевича Алексея и его неготовность по младости лет принять на себя такую сложную и ответственную обузу, как управление государством, побудили его искать в своем близком окружении людей, способных не только поддержать его, но и разделить с ним нелегкую ношу царской власти. Одним словом, он, как и его отец, мало был приспособлен для царствования, а потому нуждался в правителе с сильным характером, за спиной которого мог бы укрыться и с честью нести звание царя и великого князя государства Московского.

Но если у его родителя – Михаила Федоровича таким человеком был родной батюшка – патриарх Филарет, счастливо соединивший в себе должности и светского, и духовного правителя, то Алексею Михайловичу, в этом смысле, приходилось прибегать к помощи чужих людей. Так, в решении светских вопросов он опирался на авторитетное мнение своего «дядьки» – боярина Бориса Ивановича Морозова, а в церковных делах – держал совет со своим духовником Стефаном Вонифатьевым.

Влияние Бориса Морозова на молодого царя трудно переоценить. Именно под его надзором Алексей с пяти лет начал учиться грамоте по букварю, а затем приступил к чтению часовника, псалтыри и деяний Святых апостолов. В семь лет Алексей освоил технику письма, а в девять приохотился к церковному пению. Среди книг, которые составляли его небольшую библиотеку, можно было обнаружить «учебники» лексики и грамматики, изданные в Литве, а также научные труды по космографии. Даже одевался молодой царевич в соответствии со вкусом своего наставника в немецкое платье.

Религиозная атмосфера, царящая в семье и создаваемая его родителями, развил в нем чувство долга и христианского смирения (по воспоминаниям современников он выглядел «гораздо тихим») не изменила его характера и нередко показная тихость, мягкость и добродушие царя сопровождалась вспышками неконтролируемого гнева.

Как большой любитель соколиной охоты, к которой он пристрастился благодаря стараниям своего наставника, Алексей Михайлович даже сподобился составить свод охотничьих правил, которые издал под названием «Уложение сокольничья пути».

Неизвестно, каким бы еще житейским премудростям обучил своего воспитанника Борис Морозов, но ясно только одно, что все они мало способствовали превращению мальчика в государственного мужа. Таким неподготовленным и неприспособленным к управлению страной остался царевич Алексей по смерти своего родителя.

Но, как ни странно, именно «тихость» Алексея более всего пришлась по душе боярам и, полагая, что он во все времена таким и останется, Земский собор избрал Алексея Михайловича на долгое царствование. Дальше – больше. Покупаясь на кротость и незлобивость, проявляемые царевичем в обыденной обстановке, бояре, духовенство и служилые люди не потрудились даже истребовать с него письменные гарантии своей безопасности, как это сделали в свое время по отношению к его отцу – Михаилу Федоровичу. И, как показали события не столь отдаленного будущего, горько и не раз о том пожалели.

Что же касается царствования Алексея Михайловича, то, не имея личного опыта правления, молодой Алексей, следуя установившейся с древних времен традиции, правил страной по совету с боярами. О том насколько тщательно готовился он к заседаниям с Боярской думой, лучше всего свидетельствует обнаруженная в архивах и собственноручно им написанная записочка «о чем говорить с бояры».

Не меньший интерес вызывает и тот титул, который царь Алексей получил при коронации. А звучал он примерно так: «Великий государь царь и великий князь всея Великия и Малыя России, самодержец московский, киевский, владимирский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский и великий князь тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных. Государь и великий князь Новгорода низовых

земель, черниговской, рязанской, ростовской, ярославской, белоозерской, удорской, обдорской, кондинской и всея северных стран повелитель, государь иверской земли, карталинских и грузинских царей и кабардинской земли, черкасов и горских князей и многих иных восточных, западных и северных государств и земель отчина, дедича».

Последние два слова в этом длинном списке – «отчин» и «дедич», указывали на предков царя – отца и деда, завоевавших и присоединивших к Руси новые земли.

Однако на Западе никто первых Романовых за царей не признавал и в дипломатических депешах, умышленно опуская титул «Великий государь царь», величали их как обычных бояр по имени и отчеству, добавляя «великий князь» и далее по протоколу. И только последний из Романовых – Петр I, как реформатор и завоеватель, был признан Европой и Востоком великим русским императором и получил право присовокуплять к имени и цифровой индекс.

Пережив горькое чувство потери отца и матери, восемнадцатилетний царь Алексей Михайлович, вскоре после окончания траура по родителям в 1467 году, надумал жениться и даже присмотрел себе в супруги дочь польского шляхтича – Рафа Всевожского. Но дело до свадьбы у молодых так и не дошло. Во время смотрин, устроенных, как это было принято, во дворце, юная красавица, представленная царю среди прочих достойных конкурсанток, неожиданно при всем честном народе грохнулась в обморок. Несчастную тут же привели в чувство, но никакие ссылки на то, что виной всему тесный корсет и туго стянутая в узел прическа, ей уже не могли помочь. Объявив возлюбленную царевича хворой, бедняжку тут же выдворили из дворца.

Но нашлись такие, которые ни одной минуты не сомневались в том, что «хворь» невесты была подстроена «дядькой» царя, присмотревшего для своего подопечного барышню попроче – из московских девиц на выданье.

И в самом деле, уже в следующем 1648 году по настоянию Бориса Морозова царь женился на бедной и доброй нравом дворяночке – Марии Ильиничне Милославской. Следует заметить, что Милославская так же, как некогда и царица Евдокия – незабвенная матушка царя, будучи девкой, хаживала в доме своего отца в «чеботах» и промышляла тем, что продавала на рынке собранные своими руками грибы да ягоды. Отец Марии – Илья Данилович Милославский был до такой степени беден, что находился в услужении у посольского дьяка Ивана Грамотина. И хоть не все царя Алексея в своей суженой устраивало, невеста была на три года старше жениха, да и не очень ему понравилась, но прямо заявить «второму родителю» о своем недовольстве невестой он не посмел. А через неделю после царской свадьбы на родной сестре царицы – Анне Ильиничне женился, и «дядька» царя, осуществив свою давнюю мечту, породниться с царским домом.

Так без особых затей верховная власть в государстве оказалась в руках двух, мало что смыслящих в политике, экономике и дипломатии людей – боярина Бориса Морозова и дворянина Ильи Милославского. Не питая особой душевной привязанности к жене, царь не ценил и не уважал ее отца, обращаясь к нему при всем честном народе не полным именем, а просто «тесть» или Илья. И когда в 1660 году боярин И. Д. Милославский вызвался возглавить войско для похода на Литву, с бахвальством заявив, что сам пленит польского короля, то царь, не сдерживая гнева, обрушился на него без всякой пощады:

– Как ты смеешь, – кричал Алексей на своего тестя, – ты, страдник, худой человечиска, хвастаться своим искусством в ратном деле! Когда ты ходил с полками, какие победы показал над неприятелем?!

Не довольствуясь сказанным, царь, плохо владея собой, сначала влепил старику пощечину, а затем, надрвав ему еще и бороду, вытолкнул хвастуна из палаты.

Но все знали, что царский гнев скор и отходчив и что уже в следующую минуту он с готовностью шел на мировую, прося у потерпевшего прощения и спеша загладить свою вину.

Легко поддаваясь новым западным веяньям, царь Алексей Михайлович во многом отступал от заведенных истари порядков, вызывая недовольство и порицание со стороны, так называемых традиционалистов. Но, мало обращая внимание на их укоризненные взгляды, он нарочно устраивал публичные выезды в немецкой карете, брал с собой на охоту жену и нередко водил ее и своих детей на иноземную потеху – «комедийные действия» с музыкой и танцами, что в народе считалось верхом безнравственности. Большой любитель расслабиться и повеселиться, царь Алексей обожал шумные пиития, на которых какой-нибудь приезжий «немчин» играл на «адском» инструменте – органе и трубил в трубы, а сам государь, напиваясь до одури, требовал того же самого от своих вельмож.

Так стоит ли удивляться тому, что столь откровенная разнузданность, проявляемая царем в повседневной жизни, в которой безошибочно улавливалось нарочитое пренебрежение к патриархальным традициям домостроя, возмущала народ и невольно подталкивала к мысли о том, что царь не русских кровей, а подменный.

По описанию одного из биографов царя А. И. Заозерского, государь Алексей Михайлович начал свое царство весело. Им даже была изобретена специальная тактика, позволяющая ему избавляться от докучливых челобитчиков. Не имея ни малейшей охоты входить в курс управленческих дел, он большую часть времени проводил в развлечениях и удовольствиях. Добиться аудиенции у царя было практически невозможно. Так некий иностранец по имени Родес в своих донесениях писал: «царское величество большей частью развлекается вне города в нескольких верстах то в одном, то в другом месте вместе с супругой».

За все время царствования Алексея Михайловича, вошедшего в историю с прозвищем «тишайший», не было ни одного года спокойного от смут и мятежей. Недовольство политикой Морозова было всеобъемлющим: служилые люди тяготились военными походами, посадские – пошлинами, крестьяне – крепостной зависимостью, а все остальные – растущей дороговизной и внове изобретаемыми повинностями.

Так только за один двухлетний период с 1648 по 1650 годы в стране вспыхнула более тридцати восстаний.

Царь желал заниматься чем угодно, но только не государственными делами. В своем подмосковном хозяйстве Алексей Михайлович, как истый мичуринец, пытался развести в суровых климатических условиях средней полосы России такие редкие насаждения, как виноград, хлопчатник и даже тутовое дерево. Разумеется, что все эти эксперименты с экзотическими растениями южных стран завершились полным провалом. Не желали переселяться на плотные Подмосковные черноземы и такие солнцелюбивые культуры, как шемахинские и астраханские арбузы, финиковое дерево, миндаль и венгерские дули.

Однако все эти неудачи с посадками нисколько не отвратили царя от любимого занятия. С не меньшим энтузиазмом взялся он и за свой новый проект – разведение под Москвой шелководческого хозяйства, для чего выписал из-за границы «шелковых заводчиков», тех, что «умеют червей кормить и шелк делать».

По распоряжению царя послы привозят ему из Англии, Голландии и других стран разнообразный посадочный материал, начиная от семян и заканчивая черенками и кореньями. Возглавляли садоводческое предприятие царя два немца – Григорий Хут и Валентин Давид.

Обращает на себя внимание и то, какой странный сумбур, замешанный на религиозных верованиях и языческих суевериях, творился в голове царя. Так перед августовским севом он посылает своего сокольника к архимандриту Троице-Сергиевой лавры с послание: «ведомо мне

стало, что урожаю способствует окропление полей освященным маслом и водой с ног больных монахов, желаю применить это средство у себя в Измайлове. Ты бы, богомолец наш, – продолжает царь Алексей пояснять свою просьбу, – сотворил и прислал тайно священного масла великого четвертка в сосуде и воды с ног больнишних братий, умыв сам тайно, и воды из колодезя Сергия чудотворца, отпев молебен у колодезя, три ведра за своею печатью».

Многие распоряжения царя, такие как «велю выписать подкопщиков самых добрых, которые б умели подкоп вести под реки и под озера, и сквозь горы каменные», или «промыслить в Англии трав, которые растут, где бывает серебряная руда», наводят на грустные размышления о его умственной ущербности. К разряду целого списка таких же нелепых просьб относится и следующая – «прошу прислать мастеров таких, чтоб умели сделать так, чтобы всякие птицы пели, и ходили, и кланялись, и говорили, как в комедии делаетца».

И эти и другие странности царя, которые произрастали не на пустом месте, а на почве мистического суеверия в то, что за граница – страна чудес и безграничных возможностей, а Россия – дикий край с варварскими обычаями, утвердили народ во мнении, что царь Алексей Михайлович родом не от родительского корня, а самый что ни на есть чужак.

Вспомнил народ вдруг и то, что у царя Михаила в браке рождались только дочери и что сын появился на свет не чаяньями царя и царицы, а молитвами призванного на Москву старца Елеазара Анзерского. Особо дерзновенные и прозорливые не боялись даже утверждать, что не все в этой истории было чисто, если царь Михаил более года не отпускал Елеазара в свою обитель, а держал в Чудовом монастыре, как заложника, до тех самых пор, пока наследник ни появился на свет.

Как бы там ни было все на самом деле, а только и эти, и иные нелепые слухи, спровоцированные самим царем: отчасти его возмутительными поступками, а отчасти чрезмерной скрытностью, привели к созданию новой структуры, так называемого, Тайного приказа. Тайной были окутаны и все личные дела царя, которые он вел самостоятельно. Освоив «тайную азбуку», изобретенную его родным дедом – патриархом Филаретом еще в ту пору, когда он находился в польском плену, Алексей стал использовать ее повсеместно как в своих дневниковых записях, так и для секретных поручений.

Как метко заметил близкий друг и ближний постельничий царя Федор Ртищев «оставаться в тени было житейской привычкой» царя Алексея Михайловича.

И оказался на все сто процентов прав!

Весь ход дальнейших событий, связанный с государственной деятельностью царя, убедительно это наблюдение доказывает. И в самом деле, его нарочитая пассивность, которую он так мастерски разыгрывал, и мнимая «тишайшесть» его натуры, которую он так искусно выставлял напоказ, позволили Алексею Михайловичу на протяжении длительного времени, подставляя для отражения агрессивных атак общественного мнения отдельных честолюбцев, успешно проводить в вопросах государственного устройства свою линию.

И, кто знает, быть может, именно те неконтролируемые приступы гнева, которые порой так обескураживали окружающих, и были проявлением его истинной сути, о которой сегодня мы можем только догадываться.

Необходимо отметить и тот факт, что в окружении царя Алексея Михайловича было немало новых людей, выдвинувшихся в шеренгу первых лиц государства благодаря исключительно светлomu уму и деловым качествам. Все они, как правило, были выходцами из дворянского сословия и проявили себя кто на поле брани в смутные годы лихолетья, кто на поприще мирного строительства, работая в земщине, выводящей страну из разрухи и политической изоляции.

И первое место среди них, бесспорно, принадлежало Борису Ивановичу Морозову.

Морозов Борис Иванович вел свою родословную от древнего боярского рода, который на протяжении многих десятков лет состоял в родственном свойстве с Романовыми путем заключения браков между дальними родственниками.

В 1613 году двадцатитрехлетний Борис вместе со своим старшим братом Глебом одними из первых подписались под грамотой об избрании царя Михаила Федоровича на царство. Собственно, с этого момента их карьера и пошла вверх. В 1615 году Морозовы появляются при дворе, а с рождением в 1629 году царевича Алексея в жизни Морозовых случился новый поворот – оба брата получили повышение в чине и были назначены спальниками или, говоря иначе, «комнатными людьми» наследника, в прямую обязанность которых входило – оберегать спокойный сон подопечного.

В 1633 году, едва царевичу Алексею Михайловичу исполнилось четыре года, царь Михаил Федорович, разогнав бесчисленную свору тетушек и нянюшек, окружающих его сына и оказывающих на него дурное влияние, назначил к нему «дядькой» Бориса Ивановича Морозова. К чести Бориса Ивановича, произведенного в 1634 году в чин боярина, надо отметить, что он, не имея собственных детей, настолько привязался к своему воспитаннику и так искренне и предано любил его, что Алексей Михайлович всю свою жизнь считал Морозова своим вторым отцом.

Страстный охотник, Борис Морозов немало времени проводил на охоте и не жалел денег на дорогое удовольствие, имея для этого в своем хозяйстве все необходимое: и соколов, и охотничьих собак, и целый штат охотничьей прислуги. Приучил он к этой азартной забаве и царевича. К слову сказать, охотничьи хозяйства тогда были в большой моде и имелись у многих знатных людей. Причем, ловчих птиц: кречетов и соколов специально выписывали с Кавказа, обучали и только потом проверяли на деле, превращая охоту в многолюдное выездное представление. Так в летний сезон Двор с огромным штатом прислуги отправлялся охотиться на птицу, а зимой – на волка или медведя.

В 1645 году, когда шестнадцатилетний Алексей остался сиротой и вынужден был взять бразды правления государством в свои руки, боярин Борис Иванович Морозов оказался первым человеком при Дворе, потеснив «великого вельможу», каковым являлся в царствование Михаила Федоровича – Яков (Урускан) Куденетович Черкасский. Среди лиц, окружающих царя Михаила, Яков Черкасский, как член дома Романовых, пользовался особым доверием и входил в узкий круг опекунов и воспитателей царевича Алексея. Но вместе со смертью царя Михаила закатилась и звезда князей Черкасских.

Новый «великий вельможа» Борис Морозов, возглавив сразу несколько приказов – Большой казны, Стрелецкий, Иноземный, Аптекарский и Новую четверть, ведавшую питейным делом, отстранив от трона крепкие боярские семьи Шереметевых, Куракиных, Репниных и других, заменил их на менее родовитых сторонников.

И без того, тесные отношения боярина Бориса Морозова и царя Алексея Михайловича упрочились еще более, когда в январе 1648 года сначала молодой государь, а потом и его «дядька» женились на сестрах Милославских.

В 1645 году при дворе царя Алексея Михайловича появляется еще одно новое лицо – **Федор Михайлович Ртищев**.

В отличие от родовитой московской знати, Федор Ртищев не мог похвастаться своим высоким происхождением. Он был выходцем из того самого дворянского сословия, которое, возведя Романовых на престол, получило возможность проявить свои таланты на государственном поприще. Отец Федора Ртищева – Михаил исполнял во дворце обязанности постельничего у царя Алексея Михайловича. Он-то и похлопотал перед всемогущим Морозовым об устройстве на службу к государю своего сына, выпускника Киевской академии – Федора, который

вскоре получил чин стряпчего – ходатая по делам, искам, тяжбам и прочим бумажным волокитам.

Будучи старше царя всего на четыре года, Федор стал его настоящим другом и любимцем. Однако своей близостью к царю и дружбой с ним Ртищев практически не пользовался, за исключением тех редких случаев, когда исполнял роль миротворца между враждующими сторонами. Федор был одним из тех редких и странных людей, у которых начисто отсутствовало самолюбие. Он никогда не впадал в состояние обиды, не испытывал чувства мести, не пользовался своей властью, оставаясь постоянно доброжелательным и кротким. Такое редкое при дворе смиренномудрие позволяло Ртищеву говорить людям правду в глаза просто, без личного превосходства, не вызывая к себе вражды и ненависти. Но что особенно в поведении Ртищева обращало на себя внимание так это то, что он с одинаковым почтением относился и к простым согражданам, и к сановитым вельможам.

Почти все время правления Алексея Михайловича Федор Ртищев неотлучно находился при нем, служа сначала постельничим, потом дворецким и, наконец, воспитателем наследника – Федора Алексеевича.

Авторитет Ртищева в царстве Московском был настолько высок, что даже такой сильный политик и всесильный человек как Ордин-Нащокин, считал его «самым крепким человеком» при Дворе, а казаки за правдивость и честность желали его иметь у себя наместником – «князем малороссийским».

Видный государственный и политический деятель, дипломат **Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин 1605 года рождения** – один из немногих по-настоящему близких Алексею людей происходил из семьи неродовитых псковских дворян. Получив в Киеве академическое образование, изучив латинский, польский, молдавский и немецкие языки, он вначале 1640 годов появляется в Москве, где знакомится с начальником Посольского приказа Ф. Ф. Лихачевым. Имея богатый опыт «полковой службы» в Пскове и обладая многими необходимыми знаниями, Ордин-Нащокин активно привлекается к участию в переговорах в 1642 году со шведами, в 1644 году – с Молдавией и в 1645 с – Речью Посполитой.

В 1650 году, верно оценивая предвоенную ситуацию и понимая неизбежность новых войн с бывшими союзниками, умный и опытный дипломат Ордин-Нащокин ходатайствует пред царем Алексеем Михайловичем о реформировании армии, предлагая путем рекрутских наборов увеличить стрелецкие, солдатские и рейтарские полки, сократив при этом дворянскую конницу.

Весь свой талант, опыт, знания и энергию Афанасий Лаврентьевич поставил на службу русскому отечеству, возглавляя с 1667 года Посольский приказ. В его ведение были переданы Смоленский разряд, Малороссийский приказ, Новгородская, Галицкая и Владимирская чети. Он был инициатором устройства почты между Москвой, Ригой и Вильно. В Посольском приказе Ордин-Нащокин организовал регулярный перевод иностранных газет и выпуск рукописной газеты «Куранты».

Большую роль в духовной и общественной жизни страны в царствование Алексея Михайловича играл бывший личный секретарь патриарха Филарета, заведующий Московским печатным двором, распорядитель Московского Богоявленского монастыря, келарь Троице-Сергиевой лавры Арсений Путилович Суханов.

Арсений Путилович Суханов – русский церковный деятель, дипломат, путешественник, писатель и книжник родился в 1600 году в деревне Спицыно Тульской области в семье общинца дворянина Путилы Елизаровича Суханова. Набираться ума и учености любознательный и не по годам серьезный юноша, дворянский сын Суханов пошел в монастырь, сменив мирское имя Антон на монашеское Арсений. Овладев греческим, латинским и польским языками он стал не просто начитанным, а всесторонне образованным человеком своего времени.

Выполняя различные дипломатические поручения патриарха Филарета, а также царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, он, много путешествуя и ведя подробные путевые заметки, с особым старанием описывал все те святые места, где ему удалось побывать. Со временем, превратив свое занятие в хобби, Арсению удалось собрать ценную коллекцию богослужебных книг и славянских рукописей.

Пройдя большой и сложный путь служения Церкви и Царству, Арсений Суханов и в правление Алексея Михайловича играл видную роль во всех государственных и церковных преобразованиях, с честью выполняя возложенные на него ответственные дипломатические миссии.

Новым человеком в окружении царя был и Новгородский митрополит Никон Минин.

ПАТРИАРХ НИКОН

Смерть патриарха Иосифа весной 1652 года открыла перед царем Алексеем Михайловичем новые перспективы. Отныне все, что ему было нужно для успешного проведения реформы – это не ошибиться с выбором нового предстоятеля Церкви. По его твердому убеждению, им должен был быть человек решительный, с твердым характером и понимающий важность поставленной перед ним задачи.

И такой человек уже давно имелся у него на примете.

Чем дольше царь присматривался к Никону Минину, тем все более и более проникался к нему симпатией и доверием. В Никоне он с удивлением и надеждой обнаруживал те качества, которых не хватало ему самому. А то, что некоторые из них, такие как грубость, излишняя прямота, жесткость, граничащая с жестокостью, носили гипертрофированный характер, царь, казалось, вовсе не замечал. Для него гораздо ценнее было то, что Никон, будучи натурой честолюбивой и деятельной, не боялся отстаивать свое мнение, говорить нелицеприятную правду в глаза, принимать самостоятельные решения, а главное – имел для всего этого отменное здоровье. Иными словами, он был тем самым «локомотивом», который, по замыслу царя, мог и должен был привести заблудшую в стародавних традициях Русскую Церковь в соответствие с современными обрядовыми стандартами, которые демонстрировала Греческая Церковь. Себе же царь отводил гораздо более скромную роль. Оставаясь в тени разрушительного никоновского темперамента, скрытный, мечтательный и себе на уме царь Алексей Михайлович рассчитывал заниматься тем же, чем и всегда – генерировать новые идеи и пытаться с помощью оных лиц переносить их из области фантазий на реальную почву.

Однако в отличие от царя, «ревнителей благочестия» настораживали в Никоне как раз именно те качества, которых Алексей Михайлович старался не замечать. Да и видели они в царском любимце отнюдь не созидателя, не творца или, того больше, мессию, а сметливого и расчетливого человека вовсе непригодного для благочестивого дела. А принимая во внимание его излишне материалистический взгляд на мир и отсутствие должных нравственных качеств, они и вовсе поглядывали на него с подозрением, принимая за случайного в Церкви человека. Он был слишком нетерпим, слишком напорист и заносчив для того, чтобы заслуживать доверие духовной братии. Все симпатии кружковцев были обращены в сторону царского духовника – Стефана Вонифатьева, именно с ним они связывали свои надежды на культурное перерождение Древнерусской Церкви.

Но Стефан, посвященный в истинные намерения царя, которые принципиально расходились с его точкой зрения, уклонился от оказанной ему высокой чести. Впрочем, была и еще одна причина, по которой Стефан взял самоотвод. Будучи долгие годы духовным отцом Алексея, он научился понимать своего воспитанника, как никто другой. И ведомо ему было и без слов, что только одна ложная учтивость не позволила Алексею признаться ему как на духу,

что не он – Стефан нужен ему в товарищи, а – Никон. Не посмел перечить царю и Церковный Собор, провозгласивший в июле 1652 года новым предстоятелем Русской Церкви сорокасемилетнего Новгородского митрополита Никона Минина. И эта уступчивость будет оплачена Церковью дорогой ценой.

Высокое назначение не застало Никона врасплох. Он знал, уверен был, что царь присматривается к нему не зря, ведь не красная же он девка в конце концов! Но, даже ожидая подобной развязки, Никон не стал полагаться на судьбу, а, привлекая к себе внимание общественности, выступил инициатором важной церковной акции. Он организовал перенос в Успенский собор Кремля мощей трех московских Первосвятителей – останков патриарха Гермогена, замученного поляками и погребенного в Чудовом монастыре, митрополита Филиппа, сосланного на Соловки и там удушенного Малютой Скуратовым и патриарха Иова, изгнанного Дмитрием Самозванцем из Москвы в Старицу. Этот грандиозный по своим масштабам и эмоциональный по воздействию на религиозные чувства верующих почин получил одобрение не только царя и его окружения, но и простых москвичей. Авторитет Новгородского митрополита взлетел на небывалую высоту. О нем заговорили, как о крупном церковном деятеле.

Но одной только инициативы Никону показалось недостаточно и за мощами святителя Филиппа на Соловки он отправился собственной персоной в сопровождении большого эскорта бояр. Однако столь пышным и многолюдным выездом Никон преследовал, прямо надо сказать, и иную, скрытую от своих попутчиков цель. Уж очень хотелось ему – некогда сосланному на этот остров патриархом Филаретом, а потом под покровом ночи бежавшему с него – предстать перед нищей соловецкой братией во всем своем великолепии.

Здесь, на Соловках, изнуряя себя и бояр долгими службами, постами и непомерным количеством поклонов, Новгородский митрополит и дождался двух важных для себя известий: первое – о смерти патриарха Иосифа и второе – о своем назначении новым предстоятелем Церкви.

Однако избрание нового патриарха, во всех деталях продуманное и прописанное, не обошлось без неожиданностей. И можно себе представить изумление и растерянность царя, когда новый избранник Церкви, нарушая регламент и веками устоявшиеся традиции, отклонил предложение царя и духовных иерархов оставить свое Новгородское подворье и явиться в Успенский собор для принятия патриаршего сана не один раз, как было заведено, а трижды. Потеряв всякое терпение и не понимая, чего Никон добивается, царь приказал доставить патриарха в Храм силой.

Но и в Храме Никон продолжил своевольничать и отказывался принять власть над Церковью до тех пор, пока, истомившийся от ожидания Алексей, ни упал перед ним на колени и ни умолил его принять патриаршество.

Случай в истории Церкви невиданный!

Поступок царя, повергший присутствующих в состояние шока, хоть и заставил патриарха прослезиться, но не поколебал его неуступчивости. Потребовав от Алексея публичного обещания твердо и нерушимо блюсти каноны и догматы православия, а также быть во всем послушным своему духовному отцу и пастырю, Никон помог государю подняться. И только, когда царь Алексей Михайлович, бояре и Освященный собор после недолгого замешательства поклялись ему в том на Евангелие, Никон милостиво согласился возглавить патриаршую кафедру.

Так 25 июля 1652 года Никон Минин стал предстоятелем Русской Церкви.

Радость царя была настолько великой и искренней, что ее не могли омрачить даже те жесткие и нелестные характеристики, которыми награждали Никона все как один: и свидетели, и принужденные к клятве участники позорного священнодействия. Оправдывая своего

любимца тем, что все это он делает ради блага Царства и Церкви, молодой царь простил ему все и свое унижение тоже.

Благоговейное отношение Алексея к своему духовному отцу и «собинному другу» наиболее ярко выразилось и в том, что он молчаливо позволил Никону присовокупить к титулу главы Церкви – «великий господин» еще и титул главы Царства – «великий государь», чем привел всех близких ему людей в страшное волнение и недовольство. Ведь в государственной практике России подобное единение титулов и сосредоточение власти в руках одного лица наблюдалось только однажды и то применительно к родному отцу царя Михаила Федоровича – патриарху Филарету. Но тут, как говорится, сам Бог велел! Отец государя – сам государь! А в случае с Никоном все выглядело нелепо, нарочито и противоестественно. Впрочем, Никон особенного согласия царя на этот счет и не спрашивал, а у Алексея просто духа не хватило патриарха за излишнее своеволие укорить. Не одобряя чрезмерной мягкотелости царя, против Никона ополчилась добрая часть Двора, включая старшую сестру царя – Ирину Михайловну, супругу – Марию Ильиничну, и многих родственников со стороны Романовых, Стрешневых и Милославских.

В числе немногих из окружения царя Алексея Михайловича, кто принимал Никона таким, каковым он являлся на самом деле, был Федор Ртищев и младшая, тайно влюбленная в Никона шестнадцатилетняя сестра царя – Татьяна Михайловна. История их непростых и запутанных отношений составляет отдельную страницу в летописных источниках середины семнадцатого века.

Но что вполне было в духе Никона, так это то, что его нисколько не волновало, то невероятное число противников, которыми он оброс за сравнительно короткий срок. Он был готов, даже и ценой своей жизни, защищать и отстаивать все то, что добыл лукавством, смекалкой и изворотливостью. Впрочем, главными его врагами были не завистники, а он сам! Не умея правильно распорядиться оказанной ему высокой честью, он нечуткий, необразованный и недаленовидный орудовал во вверенной ему епархии, как деревенский мужик на личном подворье. Не обладая тонким умом политика, терпением и выдержкой дипломата, рачительной бережливостью доброго хозяина Никон во всяком деле «рубил с плеча» – бил наотмашь по всему живому, что с испокон веков звалось и по сей день зовется русской душой.

НИКОНОВСКИЕ НОВИНЫ

Первым шагом, который патриарх Никон предпринял на пути реализации задуманной царем Алексеем Михайловичем церковной реформы, стал распространенный по всем церквям накануне Великого поста документ, получивший название «Память от 14 марта 1653 года». Он затрагивал сразу два древнерусских обряда – поклоны и перстосложение при крестном знамении.

Однако само по себе появление «Памяти» в Москве явилось событием не случайным, а было приурочено к началу работы Земского собора, у которого царю, при активной поддержке патриарха Никона, удалось наконец вырвать согласие на присоединение Украины к России.

Вопрос об объединении двух народов, давно набивший оскомину у всех тех, кто так или иначе был к нему причастен, обсуждался Собором уже в третий раз по той одной причине, что, начиная с 1651 года, в польско-украинском противостоянии начался новый виток отношений, придавший войне яркую религиозную окраску.

Сам Папа Римский, прислав королю Владиславу хоругвь и отпустив польскому воинству все грехи одним разом, благословил Польшу на войну с Украиной во славу Католической Церкви.

Со своей стороны, Православная Церковь в лице коринфского митрополита, действующего от имени Вселенского патриархата и находящегося в лагере Богдана Хмельницкого, лично опоясал гетмана мечом, освященным на Гробе Господнем.

Так Украина превратилась в мировую арену, где открыто столкнулись интересы православной Москвы и католического Рима.

Но очевидно, что одного освященного меча Запорожскому Войску оказалось недостаточно, и его встреча со стотысячной наемной армией польского короля под Берестечком оказалась роковой. В самый разгар битвы воюющие в рядах восставших украинцев татары дрогнули и, оставив поле боя, бросились наутек. Пытаясь воззвать вероломных союзников к совести, Богдан Хмельницкий бросился за ними вдогонку, но вместо того, чтобы прислушаться к доводам гетмана, хан счел за лучшее взять его под стражу. Лишь через несколько дней, собрав и заплатив татарам за своего атамана затребованный выкуп, казаки смогли вызволить его из плена и вернуть в Войско.

Но за то время, что Богдан пробыл в неволе, восставшие, попав в окружение, и теснимые польскими войсками с трех сторон к непроходимому болоту, впали в панику и прекратили сопротивление.

Спасти остатки деморализованного и утратившего боеспособность Войска помогла находчивость казачьего полковника Богуна. Он был единственным, кто не растерялся и, кто, приказав запрудить непроходимые топи подручными средствами: копьями, телегами, седлами и одеждами, организовал через них переправу. Плечом к плечу с Богуном возводили переправу и коринфский митрополит, и иные духовные лица из числа его свиты. Спасая гибнущее от погони поляков Запорожское Войско, они личным примером внушали паникерам спокойствие и побуждали их к действию.

Большую часть войска Богдану Хмельницкому спасти все-таки удалось, но битва с Речью Посполитой была проиграна.

Новый Белоцерковский трактат, подписанный казаками с польской шляхтой, предусматривал для казачьего самоуправления совсем немного – всего лишь одно Киевское воеводство.

Сократился до двадцати тысяч и реестр казаков, а самое главное – польские магнаты получали право возвратиться в свои имения на Украине.

Понимая, что все его мечты о самостоятельной власти на свободной от поляков украинской земле придется отложить, Богдан Хмельницкий в 1652 году возобновил прерванную переписку с царем Алексеем по поводу будущего Малороссии. Он просил его принять Украину под свою царскую руку.

Правда, на этот раз, действуя по наущению Иерусалимского патриарха Паисия, Богдан Хмельницкий обратился с письменным прошением и к новому «собинному другу» царя – патриарху Никону, которого умолил быть своим ходатаем перед царем. Призывы Хмельницкого упали на благодатную почву.

Но едва представители двух сторон Москвы и Украины успели обо всем договориться, как новый Киевский митрополит Дионисий Болобан, сменивший на посту Сильвестра Косова, решительно отказался изъявлять покорность Московскому патриарху и принимать посвящение в Москве. Аргументируя свое заявление тем, что Русская Церковь, как отступившая от истинного православия, не имеет права на подобное священнодействие, Болобан поставил всю проделанную по объединению двух стран работу под удар.

Церковный конфликт, раздутый Киевской митрополией, получи он широкую огласку, мог бы серьезно подорвать авторитет России на международной арене. Требовались немедленные и решительные меры. И тогда, не видя для себя иного выхода, Великая Русь, оправдываясь перед Малороссией, пообещала исправиться. Такова была предыстория написания и появления на свет «Памяти от 14 марта 1653 года».

Урегулировав, таким образом, возникшие религиозные разногласия, Земский собор под нажимом Царства в лице царя Алексея Михайловича и Церкви в лице патриарха Никона 1 октября 1653 года принял губительное для страны решение о присоединении Украины к России.

И стоило только русскому посольству во главе с боярином В. Батурлиным появиться в январе 1654 года в Переяславле и встретиться с гетманом Запорожского Войска Богданом Хмельницким, как Польша, не желая лишаться малороссийских черноземов, объявила Москве войну. Чего, в общем-то, и следовало ожидать!

Но, начиная новую войну с таким сильным противником, как Речь Посполитая, Русь одновременно погружалась и в растянувшуюся на века кровопролитную религиозную борьбу Царства с собственным народом.

Выиграв жестокую политическую схватку с лидерами земщины, которые, понимая, что Русь не готова противостоять Польше, выступали против объединения Украины с Россией, Никон потерпел крупное поражение на церковном поприще. Как оказалось, «Память», написанная и распространенная Никоном с такой поспешностью, не была одобрена церковным Собором, а значит, не имея законодательной силы, носила всего лишь рекомендательный характер. Из этого следовало, что, все то, о чем в ней говорилось, а говорилось в ней о том, что верующим *«не подобает во церкви метания творити на колени, но в пояс **бы** (!) всея творити поклоны, еще же и тремя персты **бы** (!) есте крестились»*, можно было и не выполнять! А если принять во внимание, что «Память» еще никак и не обосновывала необходимость подобных новин, то и обращаться с ней надлежало соответствующим образом. И все-таки выход «Памяти» наделал в церковной среде немало шума.

Но иначе и быть не могло! Ибо большая часть церковных деятелей, далеких от закулисных интриг Кремля, воспринимая никоновский циркуляр как одно из знамений Апокалипсиса, провозгласила его автора – врагом Церкви. И это прозрение было с их стороны провидческим.

Свято чтя и оберегая первородную природу православных культов, пришедших на Владимирскую Русь вместе с христианским крещением, Русская Церковь исповедовала Константинопольский устав своей материнской – Византийской церкви. Однако в 1453 году, будучи завоеванной и разграбленной турками, Византийская церковь, прекратив свое существование, перешла под крыло Иерусалимской Церкви, исповедующей более молодой Иерусалимский устав.

Различия, наблюдаемые в Уставах двух Церквей, не задевая основополагающих догматов православия, тем не менее, имели существенные различия в части внешних ритуальных действий, сопровождающих богослужебные молебны. Так в русской обрядовой практике сохранилось двуперстное крестное знамение, написание имени Христа – Исус, служение литургии на семи просфорах, хождение во время крестного хода по солнцу, творение земных (стоя на коленях) поклонов, двоение возгласа «аллилуйя» и так далее. А все Греческие Церкви – Константинопольская, Иерусалимская, Антиохийская и Александрийская использовали трехперстное крестное знамение, творили поясные поклоны, писали имя Христа – Иисус, ходили во время крестного хода против солнца, служили литургию на пяти просфорах и трюили возглас «аллилуйя».

Нужно ли объяснять, что все эти обряды, а вместе с ними и духовно нравственные ценности, веками передающиеся из поколения в поколение, настолько укоренились в сознании русского человека, что выкорчевать их оттуда можно было только вместе с жизнью.

Первыми, как того и следовало ожидать, ополчились против патриарха Никона его недавние друзья по кружку «ревнителей благочестия» во главе с Иваном Нероновым. Двое из них – протопопы Аввакум и Даниил, даже подготовили Алексею Михайловичу подробную челобитную, в которой путем сопоставления доказывали, что патриаршие новины не соответствуют традиционным установлениям Русской Церкви.

Но могли ли они прямые и простодушные заподозрить царя в дурных намерениях? Могли ли они идеалисты и мечтатели, радеющие о культуре и просвещении, разглядеть за массивной фигурой патриарха неприметную фигуру царя? Могли ли догадаться, орудием каких темных сил является Никон?

Возможно, что неясные сомнения и западали в их души, но настоящее прозрение пришло намного позднее.

А пока царь, верный своей клятве, данной Никону при возведении его в патриарший сан, устранился от конфликта и передал челобитную патриарху в руки. Тень, которую патриарх Никон отбрасывал на царя, служила Алексею «тишайшему» надежным прикрытием.

Не обращая никакого внимания на недовольство противников, Никон предпринял новые решительные шаги и развернул кампанию по исправлению церковных книг. Затворившись от мирской суеты в книгохранилище, он внимательно рассмотрел и изучил многие спорные тексты. Так, сличая славянский текст Символа веры с греческим, он обнаружил в них многие несоответствия. Примерно такая же картина вырисовывалась и при сличении других богослужебных книг. На первый взгляд все обнаруженные Никоном ошибки казались мелкими и незначительными, но при более вдумчивом прочтении приходило неизбежное осознание, что хрестоматийная суть текстов сильно искажена.

старый текст новый текст

- Господи Боже истинный – Господи Боже истины
- И всего студа его – И всея гордыни его
- Плюни на беса трижды к западу – И дуни, и плюни на него
- Породи его в жизнь вечную – Обнови его в живот вечный

Обнаружив подобную несурязицу, Никон признал новые тексты испорченными. Однако, учитывая неудачи первого опыта реформирования, связанного с выходом в свет «Памяти», который обернулся для него шумным скандалом с «ревнителями», он изменил тактику и, созвав в 1654 году Церковный собор под председательством самого царя, вынес вопрос об исправлении испорченных книг на рассмотрение высокого собрания. Посвятив присутствующих в существо проблемы и сличив для примера пару оригиналов с копиями, Никон добился от Собора согласия на исправление испорченных церковных книг путем сопоставления древнеславянских и греческих списков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.